

СМЕНА

23
1957

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Фото Ю. Транквиллицкого.

Зимний день безоблачен и чуток,
Хруст морозный слышен далеко.
Нелегко прорезать первопуток —
Первому повсюду нелегко.
Только ты не жди путей отлогих
И лыжни накатанной не жди:
Счастье любит новые дороги
И людей, что всюду впереди.

Б. ШАХОВСКИЙ

Так выглядит искусственный спутник Земли по наблюдениям с Луны. Экспозиция, проектируемая в Московском планетарии.

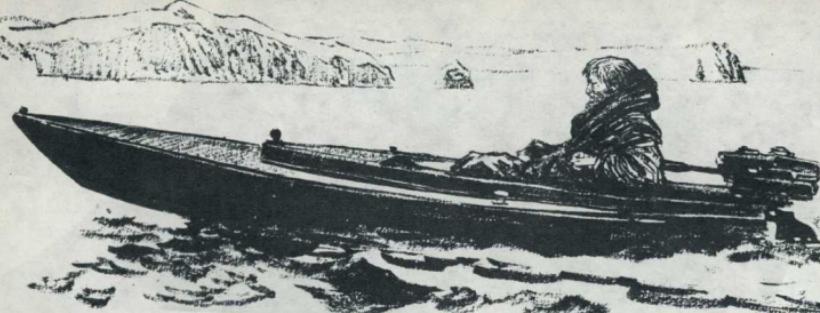
Фото М. Муразова.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

СМЕНА

Литературно-художественный и общественно-политический журнал
Центрального Комитета ВЛКСМ. Декабрь. № 23. 1957 год.

Год
издания
34-й

Анатолий ЧЛЕНОВ

ВОТ КАКОЙ ОН, ТАГРУГЬЕ!

Рассказ

Мы познакомились с Тагругье во время разгрузки сейнера. Из бухты Провидения прибыли в чукотский колхоз новые разборные дома. Старик неутомимо сновал по берегу и покривлял на тех, кто, как ему казалось, работал с ленкой. Одет он был в легкие мешковатые штаны из перничной шкуры и меховую аммо подшитую кулишкой. У него в карманах большой охотничий нож и трубка с кисточкой.

— Это наш лучший бригадир! — сказали мне о Тагругье. — Ужас, какой сердитый старик!

Потом так сложилось, что мы много времени проводили вместе с Тагругье. Ходили в тундре смотреть тысячи оленей стада колхоза, стреляли на утюк, множество которых гнездились на скалах, ходили в море на уголь, синий из горючих шкурок байдаре.

В первые же дни мы начали пребывания в Сириениках узнали, что Тагругье в двух аммо вступила в колхоз. Да и потом долго еще не доверчиво встречал все новое, что привнесла с собой жизнь в далекую тундуру.

...Строптивая бригада вместе с колхозниками уже заканчивала устанавливать дома. Кажется, это был первый случай, когда Тагругье никому не давал «руководящих указаний». Он попросту не знал, как дом строится.

Одним из первых получил новое жилище Тагругье. Он был доволен тем, что теперь, который ему оказали. Дом привез старику. Был он небольшой, светленький и приятно пахнул смолистыми досками. Кутхеут — жена старика — и сын Кирвак очень удивлялись, что Тагругье, недоверчивый ко всяkim новшествам, так легко согласился покинуть тундру.

Ночью, накануне переезда, Кутхеут даже вспахнулся. Ему было жаль старую тундру. Ведь все ее жизнь прошла в этих закоулках, среди пресных болот и солончаковых степей. Кутхеут спал спокойно, раскинувшись на партере.

Утром перебирались. Тагругье помогал таскать вещи, был весел. Но, когда Кирвак хотел разобрать опустевшую тундру, старик воспротивился:

— Пусть стоит. Здесь родился твой отец, и здесь родился я, Кирвак, — сказал он. — Пусть старое жилище останется. Наши руки не должны ломать его.

Сын не вступил в спор. Так и осталась вранта как пристройка к новому дому.

...Тагругье долго не мог заснуть в новом доме. Он беспокоялся, ворочался на спине, на животе. Жене тоже не спалось. В окно светила луна, и свет ее раздражал глаза. Повторялась это и в следующую ночь.

Тагругье не выдержал и сквозь Кутхеут:

Жена, может, лучше пойдет спать под полог?

Кутхеут мочил кинзу головой.

Так Тагругье возвратился в яранту. Уговоры были напрасны. На все увещевания старик отвечал:

— Если взять волчонка и вскорить его молоком собаки, он станет жить с людьми и будет им как собака. Но моя уши никогда не слыхали, чтобы взрослый зверь ходил в упражнке. Может, для вас, молодых, новый дом лучше...

Кутхеут старая яранта милюе. Так и подумалось, что старик остался жить в вранте. И теперь, когда хотят подсушить над ним, говорят:

— Наш Тагругье принял все перемены жизни, кроме своего нового дома. До этого он еще не дошел...

...Недавно с Тагругье произошла забавная история.

В жаркие дни, когда в тундре уже появлялись первые бригады, в Сириениках, где находятся превращенные колхозы, где на стоянке стоящие пришли на велотреке Коий — председатель колхоза — и Рытсун — местный фельдшер и секретарь партизанской организации. Они привезли охотников муку, мясо, рыболовную снасть, новые кашкана, патроны, галеты, сажа, консервы.

В разговоре с Коием и Рытсуном Тагругье показалось, что у него частенько стали болеть ноги и грудь — старость пришла. Коий и Рытсун переглянулись, но ничего не сказали. Через день они уехали в другое стойбище.

Прошло две недели, и вдруг Тагругье по радио вызвали в Сириеники. Это от стойбища километров в трехстах. Старик решил взять с собой и Кутхеут. У меня тоже были в посекле жилье, и мы отправились все вместе, на моторной байдаре.

Тут и началась вся эта история, совсем по-новому, немного смешно и трогательно открывшая мне Тагругье. Еще потому, когда все кое-как сидели, — подумалось мне узнать его начало. Вот как это было...

Когда Рытсун и Коий после обхода охотничьих стойбищ колхоза вернулись в Сириеники, между ними произошел такой разговор:

— Ты слышал, как Тагругье на здоровье жаловался? — спросил Рытсун. — Совсем ста-

рый он стал. Я был еще мальчишкой, а его уже тогда звали уважительно — «зап». Интересно, сколько же ему все-таки лет?

— Ну что ж, давай считать. Колхоз организовался в тридцатом году. Тогда Тагругье было, наверно, сорок или сорок пять лет. Будем считать, сорок. Значит, сейчас ему шестьдесят семь...

— Старым kostям нужен покой, — сказала Рытсун. — А ведь Тагругье до сих пор водит бригаду на промысел. Надо подобрать другого бригадира, а старика вызвать суда. Пусть сядет дома, и ему морской кильм, отдаст. Он сам скажет, если сядет на колхоз, мы должны позаботиться о нем.

— Что ж, это правильно. Тагругье действительно очень старый. — Коий задумчиво смотрел остроженные ежиком черные волосы. — Конечно, жаль терять лучшего бригадира, но что поделаешь... Ты верно сказал, партруг. Вечером мы посоветуемся, кому назначить вместо Тагругье.

Председатель не любил откладывать дела. Он не забыл о разговоре с Рытсуном и сразу же отправил Тагругье радиограмму, которая отдалась его в Сириеники.

...На следующий день, когда Тагругье отдохнул в клубе, к нам зашел Коий.

— Всегда сидите молодых, — начал он. — Тагругье — старый человек, самый старый в стойбище. Пусть он сядет, эх, бригадир сыну, а сам не ходит больше на промысел. Колхоз обеспечит его всем.

И тут случилось то, чего меньше всего ожидали и я, и Коий, и Кутхеут. Тагругье вскочил на ноги и закричал Кою:

— Разве Тагругье плохой охотник стал, плохой бригадир? Зачем ты хочешь сделать меня бесполезно живущим человеком? Советская власть не разрешает этого! Зачем, хитрая лиса, ты заставляешь о моих старых kostях, а потом обижашь меня злымя словами?

Коий растерялся. Он совсем не думал, что старик так поймет его слова. И почему увидел Тагругье обидное в том, что сообщила ему Коий? Разве это плохо, когда люди заботятся о стариках?

— Не нужно так жалеть, — упрямился Тагругье. — Я не хочу жить чужим трудом...

— Но ведь ходить на промысел тебе тяжело, — сказала Коий. — Твои kostи стали старыми, и тело устает от работы...

— Откуда ты знаешь, что у меня тяжело? Никто не может видеть то, что не видно.

— Ты ошибаешься, Тагругье. В Большой болынице, в Провидении, есть реинтер. Он выдит все внутри человека.

— Я сам поговорю с этим Рентгеном. Мы еще посмотрим, кто из нас прав!

Коий так и ушел, не с чем. Правда, прошлось, что сказал Тагругье, что тот зря обижается на него и что дело это все равно будет решать колхозное собрание. И я и Кутхеут тоже сели на сторону Коия.

— Старого оления нельзя заставлять работать вместе с молодыми, — заметил друг Тагругье Гемалькот. — Но если его беरеч, он будет жить долго.

— Кому нужен олень, который ничего не делает? — взорвался Тагрутэ.

— Вечером старик неожиданно сказал жене:

— Может, прав Коой? Что, пустяк я буду отыскивать. Как ты думаешь, старик?

Куткует с соплеменниками послома на него.

Чтобы избавиться быстрее, подалась ее упрямый старик на уговоры.

Потом Тагрутэ равнодушно сказал:

— Принесите мне еда, жена. Я поеду завтра в больницу, в Провидение.

Он вышел из дома и внимательно осмотрел свою байдару. Путь предстоял неблизкий, до Провидения было около двухсот километров.

На рассвете Тагрутэ положил в лодку мешок с едой, ружье и пистолет, и пузырь.

Лодка изменила ходко. Тагрутэ сидел на корме у руля, слушая долгое ворчание мотора и посматривая на стороны. Скалистый темный берег вадымался прямо из воды, заливая тундру. Теплый воздух наполнился птичьим гомоном. Птицы были всюду. Тысячными стаями гнездились они на скалах, ныряли и плавали около байдары. Тагрутэ с ласковой улыбкой смотрел на них. За склоном берега виднелись хижины из соломы и деревьев. В одной из них, как любил все живое, «Чайки» садились на воду — быть хорошей погоде — подумал он. — Хорошая погода — очень важно в долгой дороге».

Сидя в лодке, Тагрутэ думал о том, что ему скажут в больнице. Конечно, скажут: встать ты стал. Тагрутэ думал о своей жизни: вспоминал. Много было в его жизни такого, чем он мог гордиться. Но было и другое... Старик не забыл, как заложил старую лодку с недоверием поместив на нее за то, что он поверил некогда уговорам старой лисы. Рольтыргин — и отказался вступить в колхоз.

Байдара забирала все ближе к скалам, туда, где на черных камнях трепетала, склоняясь, выброшенная на берег pena прибоя. Тагрутэ легкотонко нажал руль, и острые нос лодки повернулись опять в море.

...Да, люди долго становились старого охотника. Чем же это было мотивом? Ними. Выходит потому, что сначала не закосят или со всеми, решили жить один... Правда, немного позже он все же вступила в колхоз. Но и Рольтыргин тоже вступил. Тагрутэ знал, что Рольтыргина нельзя принимать в колхоз, что волк никогда не станет зайцем. Но люди не послушались его. Им было жаль Рольтыргина. Жаждало человека...

Рольтыргин стал кладовщиком, потому что никто в стойбище не умел так хорошо считать. А перед весенним охотой выяснилось, что моторы, которые хранились на складе, испортились. Вывозили с моторно-энергобинной станции механика, веселого русского парня. Сделали ремонт.

Ночью, перед выходом в море, Тагрутэ пошел еще раз проверить, хорошо ли спрятаны велосипеды, пистолеты, замаскированные под то флаги. Тагрутэ закричал, и человек метнулся в сторону. Старик догнал его, схватил. Это был Рольтыргин. Стараясь вырваться, он дотянул острый нож... Но на крик Тагрутэ уже бежало много людей...

Когда в правлении колхоза избитого Рольтыргина развязали, он признался, что хотел разрезать канаты, чтобы вельботы унесло в море. Его забрали строгие люди из правления и увезли в Провидение. Потом в стойбище был суд над Рольтыргином. Приехало много народа. Русский танк-башенщик похвалил Тагрутэ, назвал его хорошо видящим человеком. А Рольтыргин скучал на суде, как побитая собака...

Жизнь менялась быстро. В стойбище появились новые люди. Приехал доктор Рытеун. Он знал, как лечить человека без шамана. Это было удивительно, но доктора в стойбище не было. Но он действительно вылечил людей, даже стариков со слабыми здоровьем. Приехала учительница с трудным именем Екатерина Ивановна, и в Сиренниках открылась школа. Новостей было так много, что Тагрутэ не успевал в них разобраться. Одно было несомненно: все новости были хорошие. Жизнь колхоза стала жизнью Тагрутэ.

И вот теперь этот разговор с Коем...

Нет, Тагрутэ не станет бесполезно живущим человеком. Он не будет сидеть в краине и резать клык. В его руках еще есть сила, и

глаза далеко видят. А если иногда болят спина и сердце вдруг скажутся так, что томит в тяжелом сне... Поболят и пройдет... Ка-в тяжелом сне... Кооб! Захотел утешить старика добром, добытым чужими руками. А кто будет смотреть за бригадой? Кирвак — хороший охотник, но он еще молод. Он может не осмотреть мотор перед охотой, может что-нибудь забыть. Да и Кооб следует ругать почше. Он тогда меньше сидит в своем правлении, больше ходит по бригадам. Кто же поругает председателя, кто же он? ... Где же самое место для такого человека в стойбище?

Тагрутэ снова вздыхает. Хорошо работают люди в колхозе, но вот молодые... Просто беда с ними! Горячие головы... Цены своему счастью не знают, кохлозное добро не берегут. Недавно Пааль мастерил упряжь для собак, так онко же потом столько обрезков кожи валялось, что из них можно было еще целую упряжь сделать. А когда Тагрутэ начал его ругать, Пааль засмеялся: — Ну, и что же я и ремень мастерил?... Но-о-о... То-о-о и есть, что много. А если это «много» не беречь, что от него останется? Потом, на собрании, Пааль уже не смеялся, когда Тагрутэ все это рассказал. Нет, с молодых нельзя спускать глаз.

Мысли все текли. Несколько мысли старого обиженного человека. Время летело незаметно. Глухо, без первых ровок рокотал мотор, и байдара легко и быстро резала носом волну.

...Открывшись с противным скрипом, входная дверь амбулатории вп迅ила в помещение человека, одетого в олены меха. Он подошел к застекленной кабинке регистратуры и, прокував голову в окно, сказал:

— Мне Рентин нужен — главный доктор, который все видит. Тагрутэ я, из Сиренников.

Вскоре он уже входил в рентгеновский кабинет.

Тагрутэ с любопытством оглядел кабинет, затянутый тяжелыми шторами. В глубине комнаты скрепал никем как-либо аппарат. По стена姆 тянулись провода. Ничего подобного старик не видел никогда в жизни.

— Ну, Тагрутэ, давай знакомиться... — Молодой доктор показал ему на стул. — Садись.

Через несколько минут привезли все необходимое, чтобы ободрить старика Кооб. Он внимательно слушал, понимающе взидал, и Тагрутэ почувствовал к нему доверие и расположение. Но когда врач предложил старику раздеться и сесть перед аппаратом, Тагрутэ отказался. Для того чтобы старик убедился, что ничего странного в рентгене нет, в его присутствии пригласили одного большого. Когда тот, улыбаясь, оделся и вышел, Тагрутэ уже сидел на стуле и ждал своего часа. К груди он поднес холодную доску. Тагрутэ знал немного не по себе, когда загудел аппарат, но он старался не поддавать виду.

— Лучше смотри, доктор, — говорил он. — Смотри, какой здоровый Тагрутэ. Совсем болезней нет в моем теле.

Осмотр длился долго. Врач поворачивал Тагрутье то боком, то спиной. Наконец он сказал:

— Ну, все. Выходи, Тагрутье, давайся. Потом доктор что-то долго писал на бумаге с карантиком. Отдавая ее, он сказал:

— Я не могу дать тебе спирку, что ты здоров. Сердце у тебя больное. Тут я все написал, что нужно.

Тагрутье пыталась спирти:

— Ты так долго смотришь, доктор, почему плоко увидел? У меня ведь ничего не болит. Давай, еще гляди. Руки гляди, ноги гляди — совсем здоровые я.

Но врач был неумолим.

Тагрутье вышла из поликлиники злой и расстроенный. «Что может знать малышика? — думал она.— Если бы и вправду он видел мое сердце, то непременно дал бы мне спирку, чтобы Коой спорел со стыда...» Но что же теперь делать, куда пойти?

И тут старик осеняло. Как это он сразу не подумал! Надо пойти к тому танкому, который присезжал к Рытеуну. Он умный, понимающий человек, и, возможно, начальник. Конечно, не надо было трогать время на этот рентген, а прямо идти к нему.

Старик подошел к прохожему, лицо которого показалось ему достаточно серьезным, и спросил:

— Скажи, товарищ, в каком доме туши партии?

Выходя из райкома, Тагрутье осмотрелась с довеской. Нигде не наблюдал малахи и не спела пошла по улице.

«Хот хороший человек! Мало слов сказал, но все нужные», — думал он, запев пережившая долгий разговор с секретарем.— Что теперь скажешь ты, Коой, когда я покажу тебе бумагу, которую дала мне партия?»

День дрогнул. Багровое солнце спускалось за горы. Бухла лежала вину темная и спокойная.

Тагрутье отправился в обратный путь. Он торопился, боясь опоздать на собрание, которое будет решать вопрос о нем. Ему хотелось пристыдить Кою при всех.

...Общее собрание колхоза началось как обычно. Просторная комната нового дома, который по старой памяти называли красной ярангой, тесно наполнилась людьми. Лавки не хватало, и многие сидели на полу, поджав под себя ноги. В комнате стоял легкий гул от следующих разговоров. Тагрутье был уже здесь и вместе со всеми терпеливо ожидал начала собрания. Наконец к столу, покрытому красной скатертью, вышел Кою.

— Я думаю, не будем курить, товарищи,— сказал он.

Тагрутье еще раз пощупал за пазухой бумагу, которую получила в райкоме. Он повторял про себя все презрительные слова, которые скажут сейчас Кою. «Мальчишка», — скажет он ей, — «ты же не умеешь в стойбийне? Вот, почитай, что пишет главный большевик из райкома». И он против Кою письмо секретаря. Интересно, какие глаза ставят тогда у парни? Совсем круглые будут они, как у нерпы.

— Нам нужно решить, товарищи, вопрос о Тагрутье — неожиданно произвела голос Кою.

Тагрутье удивленно переглянулась с стариком. Люди же... — думал он.— Кто же спросит? Кто может быть вопрос о лучшем бригадире? Разве он лодырь, чтобы говорить о его работе?

На этот раз Кою начал свою речь издалека:

— Старики еще, наверно, помнят об обычах добровольной смерти у нашего народа. В старину, когда жить было совсем плохо и еды не хватало, беспромысленные старики просили своих детей, чтобы они лишились жизни. И дети убивали родителей. Так было много-много лет. Сейчас это кажется нам диким, но это было именно так. Теперь я скажу о Тагрутье. Он старый человек. Рытеун слушал его своей трубочкой и сказал, что у него большое сердце. Так я говорю, Рытеун?

— Так, — подтвердила фельдшер.— Ты говоришь, так, Кою.

Люди настороженно молчали. Куда поведет свою речь Кою? Зачем он привел с собой архив законов добровольной смерти и старого Тагрутье? А Кою продолжала:

— Согласен старый человек, наши Тагрутье. А ведь он до сих пор ходит в море, хотя и молодым легкоти на охоте.... Колхоз наш — богатый колхоз. У нас много мяса, шук и жира. Надо освободить Тагрутье от работы. Он много заботится о колхозе. Пусть теперь колхоз позабочится о нем.

Недолго думая, Тагрутье людям одобрительно загудела. Послышались возгласы:

— Правильные слова сказала Кою!

— Пусть отдыхает Тагрутье!

Горячая волна доброжелательства и человеческих ласки вдруг растопила обиду старика. Злость на Кою куда-то ушла, и Тагрутье сидел на месте растерянный и смущенный. Колхозники шумно хлопали его по плечам, похвалили руки.

При этом сам Тагрутье скажет! — крикнул кто-то из юных утих.

Тагрутье поднялся со своего места и подошел к столу.

— Неправильно сказала Кою, — начал он.

И тут со стариком произошла странная вещь. Он почувствовал, что ему нечего сказать людям, которые так хорошо смотрели сейчас на него. Обида прошла, а с ней ушли и все слова, которые он так долго обдумывал. Тагрутье стоял и растерянно смотрел на людей, которые ускользнули из воды сквозь пальцы. Лицо его было бледно, как пальмовый лист. Тагрутье тяжело, прерывисто вздохнул и начал говорить робко и проницательно. Это было так неожиданно, так неподождое на него...

— Зачем вы хотите сделать меня бесплодно живущим человеком? — говорил старик.— Разве я плохой работник? Разве мало людей вывести на настоящую охоту? Я знаю, люди, вы, наверно, хотите мне добра. Зачем вам обижать стариков, которые никому никогда не делали хулиганства? Скажите мне, охотники, разве волки едят с рук человека? Не будет, даже если вы дадите им эту мышь из ноги оленя... Я привык быть в море, где соленая волна, и в тундре, где камни и мох. Как ставлю я жить без этого?

Люди слушали Тагрутье и чувствовали себя неловко, тоже сознавая, что вот ни за что про что взяли и обидели хорошего человека. Тагрутье, сидя на своем красном и все шире растягивая на себе ворот кухлянки, точно она сделала емуышать. Рытеун не поднимал глаза от стола.

А Тагрутье продолжал:

— Я пошел на байдаре в Провадение, к человеку, который сидит в райкоме. Я хотел узнать, правиль ли поступил Кою. И тот человек сказал мне, что есть закон, который велит забыться о стариках. Но он сказал еще, что, если старик хочет работать, его нельзя отгонять в прайз, как оленя в корыль; и потом он добавил: «Разве в колхозе нет работы, кроме морского промысла и охоты в тундре?»

Переведя дух, Тагрутье продолжал:

— Много долгих энгэ прожил я в стойбии, и никогда руки мои не были без дела. Бесплодно живущий человек — мертвый человек. Сначала он умирает для других, потом для себя. Почему же вы хотите моей смерти, люди?

Тагрутье рассказывал о своей жизни, трудной жизни охотника. Он говорил о том, как обмылая людей американец Диц Рейли, как забирал всю добчу Ролыктирга в уплату за пользование его вельботом. Тагрутье рассказал о тяжкой жизни минувших лет. И люди слушали его, затянувшись дыханием.

...Старик глубоко вздохнул. Перед глазами его все затуманилось. Он провел по щеке руки, рука стала мокрой.

— Все это было давно, — продолжал Тагрутье.— Ошибки были, конечно, ошибки. А теперь... Согласен другая жена стала Кою, — сказал эта жизнь, люди? Ее сделали мы. Ты, Кою, ты, Рытеун, ты, Пааль, и я. Я тоже делал новую жизнь. Разве нет? Трудно старому человеку сразу поверить в новое и жить не так, как жили его отцы весь его род. Вы, молодые, не знаете этого. Вам не понять... Но и я, старый Тагрутье, nowый новый закон вот злесто. Старик сделал голову на сердце, сбилась губами, еще раз глубоко вздохнул и закончил:

— Нет, неправильные слова сказала Кою.

Дрожащими пальцами Тагрутье достал из-за пазухи неужужную теперь смятую бумагу, которую получила в райкоме, положил ее на стол и, ссутулившись, пошел на место. В комнате было совсем тихо, когда поднялся со своего места Рытеун.

— Верно говорил Тагрутье, — сказал он.— Вот письмо, которое написал нам райком. Соглашут сделать старика инспектором по качеству скота, проверяющим работу...

Потом встал со своего места долго молчавший Кою. Опустив голову, он подошел к Тагрутье.

— Пустяк старик простит меня. Я часто говорил раньше, что он не понял новый закон жизни, смеялся над стариком... Я ошибся. Тагрутье понял этот закон лучше меня.

Говорило еще много людей. Пожалуй, никогда еще не слышал Тагрутье так много хоронить о себе, как в этот вечер.

— Так он стал первым на Чукотке инспектором по качеству, человеком, проверяющим рабо-

ту.

Чукотка. Рай Чуа.

После восстановления и реконструкции Минск стал одним из красивейших городов Советского Союза. Так же как и Минск, возвышается на въезде в Белорусскую столицу — проспект Сталина. Справа: памятник В. И. Ленину, воздignутый у дома правительства.

БЕЛАРУСЬ

Фотоочерк Б. Зорина и А. Скурихина.

Белоруссия... Белизантенна и поэтична красота ее живописных лесов, полей, ее многочисленных рек и задумчивых озер. Для трудно привыкшего к этим природным богатствам, талантливого национального писателя, отставного офицера чарской армии, с его немецкими корнями, после Великой Отечественной войны, надежда на будущее Белоруссии ощущалась вновь. Расширение новой трудовой жизни подталкивало к политической деятельности. После окончания войны, стала подлинной козынью партии большевиков, своей родной земли, стала руководителем Коммунистической партии Белоруссии. Под руководством Коммунистической партии Белоруссии, выработанной на базе ленинского национального опыта, Белоруссия стала первым из передовых национальных республик Советского Союза. Белоруссия — это земля огромных урожаев народного хозяйства. Города и села Республики, привнесли в руины земли и залив водами. Всё восстанавливать разрушенное хозяйство нашей страны. В послевоенные годы земельное хозяйство Белоруссии, ее промышленность, сельское хозяйство достигли высоких показателей. Белоруссия, ее промышленность, сельское хозяйство, занятое почтой полтора миллиона человек, а в народном хозяйстве занятое почтой полтора миллиона земельных участков и членами Белорусского национального союза, обрели свою государственность и свою национальную форму и социальную поддержку от государства Советской страны. Все боязнь красных становит Советскую Белоруссию — одна из пятнадцати союзных республик нашего могучего союза, пятидесяти государств, чьей славной революционных традиций, легендарной партизанской стороной!

Тысячи юношей и девушек Белоруссии учатся в срочных и высших учебных заведениях республики. На снимке: в одном из столичных вузов. Доктор химических наук Н. Ф. Ермоленко беседует со студентами Леонидом Осипенко, Неонилой Кунцевич и Эммой Терена.

В первые послевоенные годы молодежь Белоруссии принимала активное участие в восстановлении родных городов и сел. Сейчас она самоотверженно борется за достроеку Минского радиозавода. На снимке: работницы Минского радиозавода комсомолки Нина Шварцова, Зоя Дубовцева и Екатерина Лазута, выполняющие производственные задания на 170—180 процентов.

Дотянуться до шоferа не так-то просто... Выпуск таких гигантских, 40-тонных самосвалов освоил Минский автомобильный завод.

Машины, выпускаемые Минским тракторным заводом, пользуются широкой известностью не только в Советском Союзе, и за границей. Они эксплуатируются в Индии, Бразилии, Аргентине и в странах народной демократии. С заводского конвейера сошел уже 50-тысячный трактор «Беларусь».

Знаменитый белорусский партизан Герой Советского Союза Кирилл Прокофьевич Орловский сейчас руководит колхозом-племенным в Мишевичах. «Всё будет хорошо», — высокий уроженец гордится с улыбкой Кириллом Прокофьевичем, глядя на колхозных ребят.

Все дальше и дальше отступают пинские болота. Только одна Залесская машинно-тракторная станция в 1957 году осушала 1 000 гектаров. На бывших болотах nowхозники выращивают высокие урожаи зерновых культур, кукурузы. И с ними же осушительные работы в Октябрьском районе, Гомельской области.

В колхозных садах Мишновичского колхоза-имени Фрунзе собран в этом году обильный урожай яблок — 500 тонн первосортной антоновки!

Искусные мастерницы
Лобатаренок, Мария Терешко
и Валентина Никонович работают в
вышивальной ателье «Октябрь».

В сельхозартцелии «Красный Октябрь» Узденского района, молодежь усердно трудится над созданием новой экспозиции. К. И. Петровский, Геннадий Сидоров и Константин Назаров наигрывают старинную белорусскую мелодию.

Молодой ваятель Игорь Глебов с увлечением работает над новой скульптурой «Труженики целины».

←
В Советской Белоруссии молодежи открыты все доро-
ги для проявления талантов. С успехом выступают на
концертах хоров сельхозартцелий, народного хора сельхозартцелии
«Красный Октябрь» Узденского района, Геннадий
Шидловский и Ганна Примина.

СТИХИ МОЛОДЫХ

Николай БЛАГОВ

СТАРЫЙ ПАРОХОД

Он на Волге
Всех старей и меньше.
Меж круговых зеленых берегов
Ходит, словно сушками, обшвашан
Кольцами спасательных кругов.

Если бура,
Если волны бьются,
Держится поближе к островам.
Люди громко с берега смеются:
— Этот лежит прямо по кустам!..

Пусть смеются!
Старый не в обиде.
Он-то помнит не бедней других:
И теперь все рече, роже видят
Дражленых ровесников своих.

Годы, годы...
Изменили силы,
Хрипнет голос,
Тяжело дышать.
Где тут спорить с голубой «Россией»,
Юному красавцу догнать!

Загудит погода штормовая —
Лишь стоять бы, отмыть в порту,
Он дымит, ветрам ни поддаваясь,
Тащится усталый,
Весь в поту.

Никуму и не придет на разум
Вспомнить, подздорвать старика.
...Он еще не опоздал ни разу,
Не нарушил графика пока.

ДЕРЕВЕНСКАЯ НОВЬ

Надрывным звоном годы пронеслись те —
И пот отложил медь колоколов.
Поднимшейся спелостью капустных листьев
Сплозает жесть с потухших куполов
И падает на площадь,
Что когда-то
В поклонах колыхалась, как ковыль,
Под непосильной тяжестью набата
Валилась на колени —
Ладами в пыль.
Теперь одна убогая старушка
Стон, приподняв,
Щиплет шаль:
«Какая блудница была церквишка!..
Неужто никому ее не жалко»
Она вздыхает и верит и не верит,
Вздыхает —
Не поможетки все равно...
В церковных распахнутых дверях
Сыпает август, как в амбар, зерно.
И на весы,
Ступая тяжелено,
Встает впритыкку за мешком мешок.
Лишь ступни с трона —
В порах по колена.
Завидное благостство, видят бог!
Легки мешки в руках больных, натруженных,
Народ двуногий, кориевый, кругой.
Обетственные лица развеснены
Летучей лебеди пылью золотой,
Счастливые пытницы жизни новой!
Не давят горло им супонь креста.
Глядят, припоминая: Юрия Смирнова,
На бледного распятого Христа,
Г. Ульяновск.

Рис. В. Орлова.

Лев КУКЛИН

ЛЮДИ ПЕРВЫХ ЭШЕЛОНОВ

Ну до чего же все это знакомо!..
Как раньше,
в тридцатых,
еще до войны.

Стон в толпе секретаря райкома,
Немного стесняясь своей седины.
Эшелон молоден.

Скоро он тронется.
И рельсы упрямо ведут туда,
Где входит первый большое солнце,
Где идут непостроенные города.
Мы платим будущему за вчерашнее.
Как можно век прожить до конца,
Не выдумав песни,

не засевя пшениц,
не вырастив сына,
не посадив деревца!!

Мы строить хотим.
И это естественно.
Назад оглынется, —

в конце концов,
Жизнь, как надо,

сплелись из теста нас,
В котором бродят завкасы отцов!
Мы едем не за рублем,

не от скучи.
Не много добра в вещевых мешках:

Только молодость, только руки.
И четверть земного шара в руках!

г. Ленинград.

—

Александр ГЕРАСИМОВ

МОЕ ПОКОЛЕНИЕ

Я знаю: на поле смертельного боя
Нет места унынию, нет места покоя,
Нет места тому, кто боится горенья
И жизни бережет, преклоняя колени.
Там крепкое сердце в отчаянном стуке,
Там только железные нервы и руки,
Там ветер, бензину над полем изрытым,
Кровавые маки качает в зените...
Я знаю: в труде, что прославят столетья,
Покоя не смыши, покоя не встретишь.
В нем только стремление к мечте недалекой,
В нем только кипение до пламеня высокий.

Я знаю: тому, кто боится горенья,
Нет места в рядах моего поколения!
г. Москва.

Виталий КАЧАЕВ

ТРОПА К СОЛНЦУ

Пусть козы тропы в горах крутые,
как у ахара рога витые.
Они обрывисты,

каменисты.

Смотри: сорвешь — и

камнем вниз ты.

И если сердце забывается громко,
ставь ногу тверже
над самой кромкой,

рукой хватайся
за скальный выступ
и не сдавайся —

иди на приступ

отвесной кручи,
укрытой в тучу,
сквозь ветер жгучий,

Пробейся смело
сквозь снег колючий,
навстречу солнцу,

навстречу свету.

Не останавливайся на половине:
привал отраден
лиши на вершине.

г. Ташкент.

Юрий ВЛОДОВ

НЕЗАБУДКИ

Впервые живописец молодой
Расписывает новую посуду,
И веет задушевной теплотой
От лепестков весенних незабудок.

Вот пять цветков на вазе расцвело,
Их солнце в пенном золоте купает...
И кажется, что синеве стекло
От этого рисунка вдруг растает.

Уходит посуду быстрый паровоз,
На север побежит по рельсам чукчи,
Чтоб смелою поларинки в мороз,
Согреть сердце эти незабудки.
г. Гусь-Хрустальный.

Борис КУНЯЕВ

РАЗДЕЛИТЬ МОЖНО ВСЕ...

Разделить на двоих можно все:
от гардин до буфета.
В эту кучу часы,
а вон в ту — абашир голубой.
Ну, а как поделить
золотые над морем рассветы,
Дни и годы, что жили совместно с тобой!
Я вещей не хочу —
пусть все здесь остается, как было.
Я на поезд уйду, как на службу,
без пиджи, пешком.
Только наши рассветы
тебя я оставить не в силах.
Я с собой унесу, я возьму их себе целиком.
г. Рига.

«Дефендер». Скульптура
Л. Разумовского.

ДЛЯ РОДНОГО ГОРОДА

В годы Великой Отечественной войны передний край обороны Ленинграда превратился в огненную атаку. Изрытыми бомбами и снарядами, это место называли «железной и медной гаванью». Лишь из черных облаков дыма и разорвавшегося бомб на землю смотрели дула орудий да повисли на деревьях обрывки сгоревших наядолы. Но вот, окончилась война. И там, где враг сеял смерть и разрушения, нити гордо-войной рати пары Победы. Вырвали темные аллеи, сквозь густую листву застороняя зеркало глади озера, в парке на аллеях были установлены скульптуры барельефы, символизирующие торжество жизни и красоты.

Авторами многих из этих памятников являются молодые художники воспитанники Ленинградского высшего инженерно-технического института имени В. И. Мухоморова.

Вот перед нами две бронзовые статуи. Они созданы

дипломантами Л. Разумовским и М. Гараничевым. Разумовский изваял статую летчика, отправляющегося на боевые полеты. Выражение лица воина — волевое напряжение, тщета, взледь. Гараничев в спущенных рабочими со снарядом в руках отразил героические труды строителей в тылу.

Приподнятый на главном входе в парк Победы украшены несложными бронзовыми барельефами. Среди них выделяется «Карасев — Орден — город-герой» работы И. Смирнова. Перед зрителем пространство, ощущение величественного и вместе с тем живые, правдивые образы солдата, рабочего, матроса Родины.

Большая увлечением разработана выпускницей училища над пропавшими мирами, посвященным Великому Октябрю. Монументальную «Октябрьскую группу» «Октябрь 1917 года» создал Тимошенко. Стремительно развивающаяся революционный народ, устанавливается новый социалистический Октябрьской революции в Ленинграде.

Ладкос «октябрьских дней ярко выражены и в многофигурных скульптурных композициях выпускников революции» Г. Железиновой и «На штурм Зимнего» В. Чудинова.

Сорокалетней годовщиной Великого Октября посвятили скульпторы Михаил Решетов. Его проект монумента в честь защитников города-героя и рабочих, предназначенный для установки на рубеже обороны Ленинграда на Красной площади, отличался оригинальностью, новизной творческого замысла. Задача скульптора в этом родному городу будет таков: монументальный памятник, соединяющий в себе идеи учащегося по проекту архитектора Я. Лунина. Этот памятник устроит в парке на аллее, где склоняются погибших в дни блокады. Молодые ватажки М. Ерофеев, Н. Денисова, С. Саменюк, Г. Чижикова и В. Тихомолов создали на нефтяной промышленности сиротского сада памятник юноши и старого рабочего. Скоро памятник будет открытия в гравийном карьере у подножия монумента загорится вечный огонь.

В. КАЛИНИН

«На штурм Зимнего». Скульптурная композиция В. Чудинова.

В октябре 1917 года Владимир Якунович Карасев участвовал в штурме Зимнего дворца. Спустя сорок лет наш корреспондент сфотографировал ветерана революции у царского трона — места первого танцевального единоборства.

НАШИ ИНТЕРВЬЮ

ВЕЛИКОЕ

ПРАВО

В. Я. КАРАСЕВ, рабочий Кировского завода. Город Социалистического Труда. Кандидат в члены Центрального Комитета КПСС

приходилось на капиталистов да еще в таких условиях, о которых нынешнее молодое поколение знает лишь по рассказам стариков да из книг. Двадцать лет прошло у станка Михаил Павлович, едва зарабатывая на кусок хлеба, и где уж было ему думать о славе или почестях, если и право-то он не имел никаких!. . Так и прошли все свою жизнь питерский пролетарий Михаил Решетов в нужде и беде, если бы не революция.

А пришла Советская власть — пришла к нему новая жизнь. Был он рабом — стал хозяином завода, работал у станка — вырос до командира производства, до мастера. Хорошо трудился — за трудовые подвиги страна наградила его орденами и медалями. Пришли к Михаилу Павловичу Решетову и старые друзья, и новые.

Да Великий Октябрь привнес нам новую, небывалую жизнь. Ильин сделался и труд. Он наполнил всю деятельность человека глубоким смыслом, стал приносить ему радость и удовлетворение. И все это вместе взятое — новая жизнь, свободный труд на благо народа — пробудили в рабочем человеке огромные, неподъемные силы.

Творческие силы... Что же это за силы такие, о которых так часто и пишут и говорят?

Недавно просматривал я новый статистический сборник — «Достижения Советской власти за сорок лет в цифрах». Как открыл его, так и не оставил, пока не просмотрел до последней страницы.

Есть, между прочим, в этом сборнике весьма любопытные цифры. Узнал я, например, что только за годы пятой пятилетки внедрено в народное хозяйство 5 705 изобретений, 164 000 различных технических усовершенствований и съезде 4 000 000 рационализаторских предложений! Какие же громадные средства сберегли все эти новшества государству!

Все они, творческие силы, разбуженные в простом рабочем человеке...

Я и со своих товарищами и о себе могу рассказать, если уж говорить о творчестве. Начали мы заниматься рационализацией на заводе давно, в самом начале первой пятилетки. Были у нас и неудачи и разочарования, но гораздо больше успехов. И вот, когда мы опускали зеркала, дело пойдет. А главное, были у нас и возможности и желание. И вот вскоре наша небольшая изобретательский коллегии стала давать заводу миллионы рублей экономии. Сейчас этот коллектив значительно вырос. Мы уже решаем сложные задачи: модернизацию оборудования, создание новых, имеющих инструменты. Не так давно мы изобрели концевую фрезу с неравномерным расположением зубьев по окружности. Не стану утомлять вас рассказом о том, какое улучшение вносит это новшество в технологию; скажу лишь, что применение такой фрезы только на Кировском заводе привнесло без малого 1 миллион 200 тысяч рублей экономии. А новые наши фрезы будут внедрены на всех предприятиях страны, сбережения составят примерно 3 миллиарда рублей.

И хочется мне в связи с этим отметить одну характерную особенность.

Известно, что в буржуазных странах рабочие изобретатели стоят на отдалении зависимости от интересов частных фирм и крупных монополий. Капиталисты склоняют патенты, если новые технические достижения грозят им конкуренцией, прятут под скучно, скрывают и замораживают их.

А у нас! Да мы не только у себя, на своих заводах, фабриках, рудниках, внедряем какие-то полезные изобретения, но более того — и это совершенствует пролетариат в технологиях, мы и своим зарубежным друзьям помогаем использовать все самое лучшее, что создано в Советской стране. Мы изобретатели и рационализаторы Кировского завода, побывали в стра-

нах народной демократии, демонстрировали им сконструированную нами концевую фрезу, и сейчас она внедряется в Чехословакии, в Югославии, в Китае, и в Польше, и в Венгрии...

Сорокалетие Октября наш коллектив встретил хорошими подарками: нам удалось создать специальный патрон к фрезерным станкам, который не только позволяет сократить время обработки, но и снизил на 25% расход фрез, примерно в тридцать раз, но и облегчает, делает безопасным труд рабочих. И на этот раз тоже новое достижение стало достоянием друзей: чертежи патрона мы вручили как подарок китайским рабочим...

Вот что такое творческие силы!

И замечательно, что силы эти получают все больший и больший размах. Это и понятно ведь простые труженники стоят подлинных ходоками страны. Сорок лет назад со мной, между прочим, произошел такой случай. Участвовал я в штурме Зимнего дворца. Ворвались мы во дворец, стояла коммуна у комендантской. Вбежал я в одну из комнат, увидел какое-то кресло и услыхал перезарядить карабин. — Следом — товарищи моряки... «Волода», — крикнул один из товарищей. Там же на царский трон сел! Я от неожиданности даже пристал, товарищи засмеялись: «Сиди, сиди! Телеперь ты, рабочий, царь!»

Да, мы стали хозяевами своей судьбы, страны, всем ее богатств, перед нами широко распахнулись все двери: работай, учись, твори.

Молодые моя друзья! С большой надеждой смотрим мы, старшее поколение, на молодежь, которая предстоит превратить нас трудящуюся страну в дальнюю нестистью слово рабочее знаем. Мы верим: молодежь выполнит эту задачу с честью. Верим, потому что знаем ее по многим славным делам и на целине и на новостройках. Да и у нас на заводе хороший, дружный молодежный коллектив, который заботливо бережет традиции кировцев. Молодые рабочие нашего завода стоят на передовом участке в труде, и наставляем, изобретателями, учатся в вечерних школах, техникумах, институтах, растут, становятся мастерами, технологами...

Совсем как будто недавно привели к нам в цех паренек из ремесленного училища Саша Малышев. Встал он к станку и сразу же

Многие молодые специалисты благодаря Владимиру Якумовичу за помощь. Надолго запомнятся советы старого рабочего и китайскому инженеру, комсомольцу Гену Динь-юаню, приехавшему в Ленинград на практику.

Начал работать с увлечением, с огоньком, как говорят. Вскоре мастер начал давать Саше сложные задания, так как не сомневался: парень не подведет! Малышев поступил в заводской вечерней техникум, учился сейчас на последнем курсе и работает техником. А рабочий путь? Завтра, завтра же в институт! Нет! И в уверен, что Саша Малышев станет прекрасным инженером... Назову имя еще одного молодого рабочего — Виталия Николаева. Он тоже привел к нам из ремесленного училища. Юношу с первых же дней работы увлекли наладка станков, его удовольствием стал передавать ему свой опыт. Прошло членного времени, Виталий стал мастером народного хозяйства. Сейчас он мастер лучшего в цехе комсомольского участка.

Советский строй дал каждому из нас право на труд. Это великое право записано в основном законе нашей страны — Конституции.

Труд — это самое главное и важное в жизни любого человека, и особенно юноши или девушки, которые только начинают свой самостоятельный путь. Потому-то хочется от всей души поблагодарить вам, дорогие друзья: достойно используйте это великое право, завоеванное вашими отцами и дедами, любите труд, где бы вы ни работали, будьте в труде еще лучше, смелее, чем мы: нам ведь было куда труднее, нам приходилось поднимать нищую, отсталую, разоренную страну!.. Все вам дано, любите дороже открытий перед вами. Но можно быть не выбраны, мои друзья, свето храните на- шу трудодушную честь!

Недавно Владимир Якумович побывал в Югославии. Во время поездки он встретился с рабочими завода «Индустрия-Мотор» в Равенцах. Югославские товарищи с большим интересом ознакомились с новой фрезой, созданной советским гостем.

Славно поработали машинист Вадим Яровенко (слева) и четвертый механик Алексей Озеров. Комсомолцы досрочно отремонтировали лебедки и другие механизмы.

ВТОРАЯ ЖИЗНЬ «МЕХАНИКА ГЕРАСИМОВА»

А. СИНЕЛЬНИКОВ

Пароход доживал свой век. Сорок лет он бороздил моря и снискал себе славу добросовестного работяги, «четвертника сухогрузного флота». Когда-то он был лесовозом. После второй мировой войны ощущалась острая нужда в грузовых судах. И старые пароходы, покрытые грязью, вились в жилые помещения для команды, возвели срочно палубную надстройку. Пароход начал вторую жизнь.

Старой, нетронутой оставалась у него только труба. И когда нынешней осенью я усомнился, смогу ли разыскать это судно среди множества пароходов, теплоходов и дизель-электроходов, стоящих на Одесском рейде, комсорг Иван Филипп сказал:

— Найдем! У нас самая большая труба на Черном море...

В портах так и называли пароход — по трубе. Завидев ее на горизонте, грузчики торопили друг друга:

— Готовься, ребята! «Механик Герасимов» идет. Его побystрее разгрузят надо...

На всем побережье от Одессы до Батуми знают молодежную команду этого парохода, знают, что она не боится ни чего — упрямством и всеми проказами, погрузкой и выгрузкой в самые сжатые сроки. В последние годы молодежный экипаж «Механика Герасимова» из реяса в рефс перекрывал задания.

Но время делало свое. Постепенно изнашивалась машина, механизмы, бортовая обшивка. Одним словом, «старика» требовал серьезного ремонта. Но в пароходстве решали, что судно пока спасено в расстой. И комсорг «Механика Герасимова» пришел в Новороссийск, разыскивая, осмотрев его, безапелляционно заявил:

— В море мы вас больше не выпустим!

Но экипаж не мог приняться с этим: ведь пароход но-

сили отважного моряка-коммуниста Дмитрия Михайловича Герасимова, который геройски погиб, защищая любимую Одессу.

— Мы знаем, что лучшей памятной славе моряку будут наши трудовые успехи — сказал комсорг на комсомольском собрании. Так давайте же подходим к делу и вспомним, чтобы отстать от нашего «старика». Докажем, что он может еще принести немалую пользу Родине.

Эти предложения были встречены со энтузиазмом.

Капитан Анатолий Николаевич Деталин от имени команды попросил в пароходстве разрешения следить хотя бы легкий ремонт, чтобы закончить летнюю навигацию. С большими трудами, но согласие все же было получено.

Весь от этой вызвали в коллеги национальной польши. На судне заскакала работа. Каждый старался сделать, что-нибудь полезное. Машина была в таком состоянии, что даже на легкий ремонт коллеги пришлившись затратить немалый труд. Люди частично отказались от отдыха, недосыпали. Нередко молодым кочегарам матросам приходилось выполнять работы сантехнической службы. Было трудно нехватка специальных знаний, и тогда на помощь молодежи приходили более опытные товарищи, механизмы. И вот наконец ремонт был закончен. Об этом узнало пароходство, и через некоторое время из Одессы в Новороссийск пришла радиограмма. В ней сообщалось, что впервые после войны открывается регулярная грузовая линия Одесса — Батуми и что чтобы открыть ее предполагается молодежному экипажу «Механика Герасимова».

В пути моряки решили развернуть соревнование между машинным отделением и палубной командой, между вахтами кочегаров и машинистов. Когда возвращались в родной порт, команда

уже произвела первые расчеты возможности повысить технико-экономические показатели своей работы. При этом никаких скидок на «преклоненный возраст» судка не делали.

Тот задавался вопросами. Впрочем, ничего удивительного в этом не было: машина на судне паровая, и в конечном счете все зависит от того, насколько удастся повысить давление пара. Предельное давление тридцать атмосфер, а в больших одиннадцати — двенадцати никогда еще здесь не давали.

И опять на судне наступали горячие дни. Как и раньше, в работу включались все. Каждый стремился сперва окончательно переделать, а потом — спешно — сдать машину.

И скоро наступила день, когда моряки радостно говорили друг другу: «Есть тридцать атмосфер!» Пароход теперь проходил на семь — восемь миль больше.

Разумеется, этот трудовой на-

кал команды не замедлил сказаться на плате перевозок — он неизменно перевыполнялся. Теперь открывалась возможность принимать на борт большие грузы — не тысячи, а десятки и сотни тонн. Нельзя, однако, сказать, что это новое назначение комсомольцев-моряков привнес в порты с энтузиазмом. У портовиков были свои расчеты, свои нормы. Здесь находились еще такие косящие люди, которые, цепляясь за старое, нехотя соглашались вносить какие бы то ни было правки в давно установленные каноны. Нельзя, однако, сказать, что это новое назначение комсомольцев-моряков привнес в порты с энтузиазмом. У портовиков были свои расчеты, свои нормы. Здесь находились еще такие косящие люди, которые, цепляясь за старое, нехотя соглашались вносить какие бы то ни было правки в давно установленные каноны. А это было давно, курская на регулярной грузовой линии, герасимовы придумали еще одно новшество: если при входе в порт встречающий борис, шадрьтавшийся самим. В Керченском проливе суда обычно не ходят без лоцмана, а «Механик Герасимов», чтобы сконцентрироваться на работе, отказался от лоцманских услуг. Судно, как правило, самим.

Так в суде стояла одна из корабельных моряков-водолазов экипажа лодом доблести и чести, прошли пять рейсов. За это время план был перекрыт и государство получило полмиллиона рублей дохода. Министерство морского флота отменило отличную работу «Механика Герасимова».

Сейчас уже больше не говорят о том, что «Механик Герасимов» надо списывать и не выпускать больше в море. На распоряжение пароходства старого судна было предъявлено одно из самых строгих требований. Рабочие дружно явились за ремонт прославленного корабля. Им помогал в этом весь коллектив «Механика Герасимова».

Доподлинно заслуживали молодые машинисты, механизмы, кочегары, палубные и трюмные матросы на квартире у комсорга Ивана Филиппа, обдумывая свой собственный ремонтный график. Они знали, что будет трудно, очень трудно: не каждый умел плотницкое дело. Но все же решались от замечательного плана не отступать, всеми силами помогать работе, до минимума сокращать время на обед и сон.

Всю черновую, грязную работу взяла на себя молодежь. Она очистила лыжи — места в машинном отделении и кочегарские, где скапливались отработанные масла и смазочные материалы; потом сняла с них многолетнюю на jaki с котлов. А там временем рабочие обрали главную машину, рулевое управление, испомогательные механизмы, обмотки износившихся сальников, краны, портальные компасы и паровую дымоходованию, налили новые железные листы в букире и заменили устаревшую обшивку корпуса. Пример молодых моряков заражал заводских рабочих. Все ремонтные работы были закончены в рекордно короткий срок — за сорок рабочих дней.

...И вот бывший лесовоз, трижды омоложенный «Механик Герасимов» снова поднял пары, готовясь в шестой раз. Он медленно отваливал от причала. Его не настигли волны, не подстерегли грозы. Но все, кто знал его полную трудового героямки биографию, мысленно желали ему счастливого плавания на долгие, долгие годы.

Радостно на душе у старшего матроса Василия Паршачева: пароход снова выходит в рейс.

В районе строительства Братской ГЭС.
Дорога на Падун.

Фото Я. Халипа.

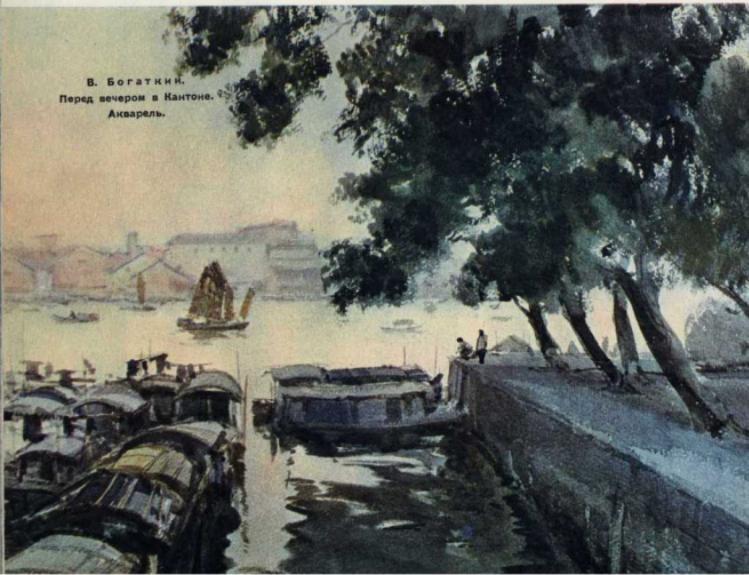
В. Богаткин. Пейзаж в горах. Акварель.

С Т О Д Н Е Й В КИТАЕ

В. Богаткин.
Перед вечером в Кантоне.
Акварель.

Группа советских художников совершила творческую поездку по Китайской Народной Республике. Сто дней провели они в этой замечательной стране с ее культурой и бытом возрожденного народа, ярко написанные строящимися городами, живописными пейзажами, народными типами. В. Богаткин, А. Константиновский, В. Забашта, А. Котухин и другие художники, работавшие в Китае, встретились с рабочими, крестьянами, студентами, воинами Народно-освободительной армии. Поездка эта оказалась на редкость плодотворной. Мастера живописи, графики и скульптуры создали много ярких произведений, запечатлев в них людей труда и величественную красоту китайской природы. Сегодня мы публикуем некоторые из этих работ.

Рис. В. Богаткина.

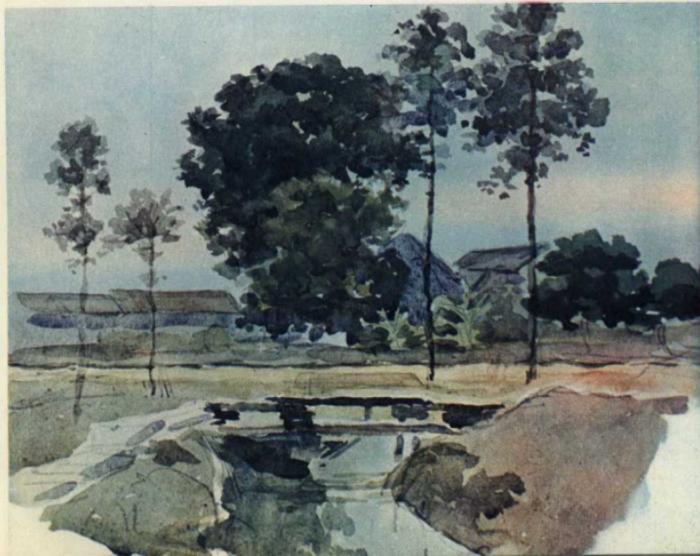
Бабушка и внучек.
Рис. А. Константиновского.

Забашта. Китайский крестьянин.

А. Котухина. Деревенский пейзаж в окрестностях Кантона. Акварель.

На одной из улиц Пекина
Регулировщик.

Китайский мальчик.
Рис. В. Богатикова.

Комсомолка Тамара Жаркова, бухгалтер пятой московской аптеки, окончила вечернюю среднюю школу и решила поступить в фармацевтический институт. Девушки охотно помогают старшие товарищи. На снимке: заместитель управляющего аптечной Татьяна Ефимовна Гречаник консультирует Тамару по химии.

Фото М. Муразова.

КИНЕМАТОГРАФ

Иоан ГРИГОРЕСКУ

Рассказ

Разве могу я забыть горбуну Флору, грозного Магу, вождя индейцев квартала св. Пантилиона! Я и теперь, стоин мне закрыть глаза, вижу его так же, каким он наследством оставил мне память.

Во времена мои был двадцатый год. Был он, как все горбуны, маленького роста, с большой, вдавленной в плечи головой и короткими курчавыми волосами. Глаза на угловатах его лица, обтянутом желтым, землистым кожей, искарялись умом и злобой. Флора всегда носил платье с чужого плеча. Оно было ему и мало — и тогда он рукало, чтобы оно не висело длинными, как у обезьяны, руками; или перекрещивало — и тогда он подвертывал штаны и завязывал ремень под самыми горбами.

Зимой или в дождливую погоду я часто приходил к нему домой (он был единственным сыном чахоточной практики), и там, в низкой комнатке с земляным полом, мы до изнеможения играли в «шар в яме». Поэтому пол в комнатах, словно швейцарский сыр, был усыпан доблестными ящиками. Мать Флора, маленькая, худенькая женщина, беспрестанно задевала ящики глиной, браница на них и ушибалась с добродушной болезнью.

Почти во всем мире ее был мальчик непременно вспыхивал в люди. Сражаясь со всем миром, она добилась, что ее сыновья определились в гимназии. Занималась он хорошо, хотя горб его был предметом постоянных насмешек гимназистов. Флора считалась первым учеником истории и географии, да и в математике и румынском языке лишь немногие оставляли его позади. Единственный предметом, к которому он питал неприязнь, было рисование, вернее, сам учитель рисования, имевший болеезвенное пристрастие к геометрическим эскизам, чуть заметно набросанным карандашом.

— Линия должна быть, как паутинка, понятно! — кричал учитель, расхаживая между партами.

Но «паутинки» никак не удавались горбуну. Учитель видел это, и после каждой проверки домашних заданий одной из его жертв становился Флора. Однажды Флора решил подуть над макетом. Убедившись, что даже самые тонкие линии все равно не сойдут за «паутинки», он пришел на урок с совершенно чистым листом бумаги. Я будто сейчас вижу, как он сидит за своей партой в первом ряду, кружит головой и ухмыляется. Учитель прошелся между партами, остановился у рабочего стола, на котором пронзительно блескали скрепки, поднял к Флоре, взял с его парты лист. Он поднес бумагу к носу на расстояние нескольких сантиметров, затем отвел на полметра, надел очки, подвинулся к окну, повертел лист, и как раз в тот момент, когда уже собиралась крикнуть «Что это такое, негодяй!», Флора пояснил:

— Это паутинка, судары!

Учитель вытащил его к доске, а затем велел всем стоявшим у кафедры выстроиться друг за другом и опуститься на колени. Заподозрив что-то неладное, Флора стал последним. Ему как будто удалось обмануть бдительного спидера, и он, несмотря на то что на него обсыпал каждый наказанный скрепки, впереди стоящего за монки ушай и по команде «раз» ткнул вверх, а по команде «двое» — вниз. Флора добровolно выполнил команды, исподтишка посме-

«МАДАГАСКАР»

вась. Но вдруг он вздрогнул: за его спиной учитель расстелил платок на полу и, тоже опустившись на колени, признался с остервенением дергать горбуну за уши. Когда пытка кончилась, учитель удовлетворенно вытер пальцы платком. В Флоре под мочкой левого уха сплюзнула капля крови. Горбун не проронил ни слова и лишь на первомне излил свою общедуховную.

Вырасты — бандитом стану!

За рисованием всегда следовал урок музыки. Долгожданный, тонкий, как смычок, учитель на протяжении целого часа заставлял нас петь гаммы и нещадно колотил за каждую фальшивую ноту. Если случалось, что во время его урока мимо школы проезжал живодер и кто-нибудь из нас, заметив его в окне, произнозглашал: «Гостинец учителю! Палач поймал жертву!» — он немедленно прекращал урок, отбрасывая скрипку и отчаянно зопя:

— За мной работай! Дергай его!

Он мог подогнать ученикою к скрипке жандарма. А мы подогнали ученикою из всех сил, либо только таким путем нам удавалось избавиться от ненавистных гамм.

Над учителем истории, который на каждом уроке засыпал за кафедру, Флора потешалась два тридцатица подряд, прочитывая ему какую-нибудь раз вместо ответа «Отче наш». Так продолжалось до тех пор, пока учитель однажды не узнал: учитель засыпал в классе потому, что по ночам работает — синянет тетради для книгоиздателя. Учитель же в постоянной нужде — семеро детей были всегда в гостях. С того дня учитель засыпал на уроке истории мертвую пишущую машинку, чтобы ученик мог спокойно спать. А Флора заблаговременно охранял его покой.

Однако я совсем забыл рассказать, каким образом Флора получил грозную кличку Магу, вождя индейцев квартала св. Пантилиона. Для этого я должен начать познакомить вас с паном Чапуткевичем, его женой фрау Берты и кинематографом «Мадагаскар».

Кинематограф «Мадагаскар» находился на улице Источников, главной артерии квартала св. Пантилиона. Это было длинное, узкое строение с окнами, устремленными вправо в темноту. Над входом красовалась вывеска, на которой большими буквами было выведено слово «Мадагаскар». Между буквами пышно зеленели напоминающие нескошко пальмы, из-за них выглядывали головы трех негров и одного европеца, поразительного похожего на пана Чапуткевича, владельца кинематографа. Под вывеской висела прородитор, и в те времена сеансов улица оглашалась выстрелами, лавинным рояльчанем и другими са- мыми невероятными звуками.

Однажды вывеска и рефлектор репректор неожиданно для единомышленников «Мадагаскара», По чешским пан Чапуткевич, тощий, как селедка, поляк, выходил рано утром из дома, оглядывая небо, потом улыбался, утешаясь, что пробуждаются, и после этого вытаскивал на тротуар две широкие доски с прибытием к ним кадрами нового фильма. Хозяин кинематографа был мечтателем. Его серо-голубые глаза часто смотрели куда-то вдаль.

Чапуткевич появился в квартале св. Пантилиона лет шесть назад. Он остановился в квартале фрау Берты на несколько дней, но так и остался у нее. Фрау Берта, пузатая немка, владела небольшим владением, где в кинодоме душу бродяги-полка склоняла неутешностью и близкими кониками. Став наследником старого Шварца и, следовательно, владельцем кинематографа, Чапуткевич больше уже никуда не уезжал.

Рисунок Э. Стенберга.

Вскоре жители квартала просыпались о замятальной истории, в которой погиб был главный герой. Вначале люди смеялись и не верили. Но через год, когда Чапуткевич стал довольно сносно болтать по-румынски, они услыхали эту историю от него самого.

Перед тем как попасть на улицу Источников, пан Чапуткевич служил почтовым инженером в Польши. Он был неравнодушен к истории и в последние годы своего пребывания на родине пристрастился к чтению. Пан Чапуткевич увлекся главным образом похождениями польского авантюриста Беневского — короля Мадагаскара. К несчастью, его знакомство с личностью Беневского, жизни которого изобиливали необыкновенными и таинственными приключениями, произошло как раз в то время, когда в стране началась кампания, целью которой было доказать всему миру, что паньская Польша имеет обильные права на остров Мадагаскар. Поборники этой давней сночинии привели в страну лесные и горные беспородные речи. Нашлились даже смельчаки, которые намеревались затеять военный поход на Мадагаскар. Голова Чапуткевича скружила, душа затосковала по далекой, неведомой стране, а скромная служба на почте стала казаться слишком прозаической. В тот день, когда мечтатель был неожиданно для него самого уволен, он подсчитал свои сбережения, проплыл выездную визу и отправился пашком... на Мадагаскар.

Люди в квартале говорили, что не будь на свете фрау Берты, здравы были бы и другие. Польша давно попала бы в желанную страну. Но от всей его мечты остались лишь вдохи да новая вывеска кинематографа с кокосовыми пальмами, неграми и европейцем-завоевателем.

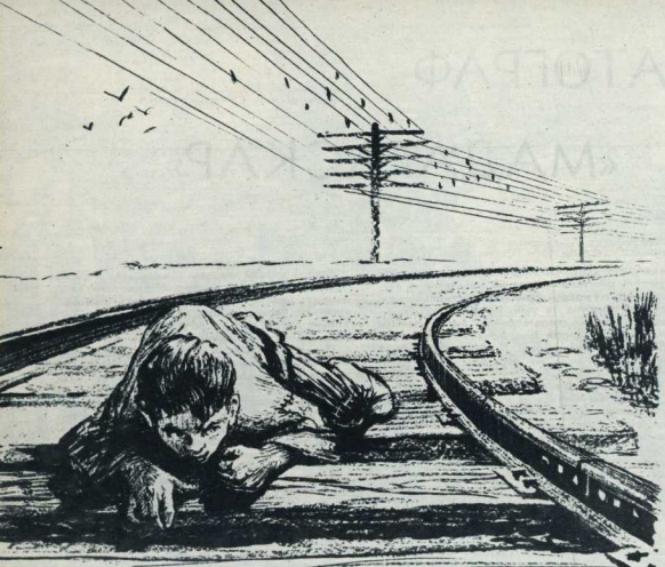
Пан Чапуткевич не переставал, однако, думать о возвращении на остров. И поэтому фильмы, шедшие в кинематографе «Мадагаскар», были чаще всего с приключениями, погонями, выстрелами, которые должны были доказать что-то было лучше над неграми, индейцами и другими цветными народами.

По несколюко раз в течение двухчасовых сеансов серий, в которых помещалась кинематограф «Мадагаскар», содрогалась, начинялась дрожью, со стен его сипалась штукатурка, и казалось, что он вот-вот рухнет. Это происходило, когда фильм прерывался на самом интересном месте, именно тогда, когда крашеви Зорра бросался с ножом на индейца Ферру, или когда ковбой Том Микс перепрыгивал с бешено машущими лошадьми на пароход, или когда пират Боб разрывал платье по животу.

Каждый четверг утром, после того как вывещивали афиши, возвешающую о новом фильме, для пана Чапуткевича и фрау Берты наступали мгновения ни с чем не сравнимого наслаждения. Все жители квартала проходили мимо «Мадагаскара» и восторгались выставленными кадрами. Пану Чапуткевичу нравились свирепющие любопытством глаза мастеровых, которые подолгу смотрели на фотографии разделенных женщин, изнемогающих в объятиях обольстительного Зорра или задыхающихся в ласко ковбоя... Еще нравился Чапуткевичу следящий краем глаза малярчик, наряженный в костюм бродяги-полка склоняющий голову, сломя голову бросающий к доскам с кадрами и наперебой кричали:

— Это я!
— Это я!
— А это я!
— Это я!

То было нашей игрой. Каждый четверг мы с

нетерпением ожидали, когда пан Чапуткевич, расклеив афиши и вдоволь налюбовавшись ими, уходил домой, а затем подбегали к ним и наугад тыкали пальцем в одного из персонажей фильма. Кто попадал в шерифа, в течение недели был шерифом. Кто попадал в негра, которого линчевали, неделями был негром. Кому выпадало счастье попасть в главного героя, тот целую неделю бойко командовал оставшимися.

Нас было шестеро. Душой банды стал Флоря. Горбун почти всегда оказывался то главарем пиратов, то вождем индейцев. Мы прозвали его Магу, потому что на протяжении двух недель, пока шел фильм «Последний из могикан», горбун удивлял нас своей выдумкой и талантом, с которыми подражал кровожадному индейцу. Все мы покорно сносили жестокость Магу.

Магу, что брата Рику и Тити Бутой, и Синду Прейф, и даже леко поклонялся Линкс, сыну парикмахера, стайне мечтала о том времени, когда они станут большими и каждый из них откроет в квартале кинематограф и обязательно побесеет под крышей вывеску с пальмами и репродуктором, который будет спешен даже в предметах св. Думитрия. Когда они смогут смотреть любую картину, сколько им заблагорассудится. Флоря же был увлечен такой мечтой. Бедность, физическая недостаточность и другие удары судьбы вынуждали горбуната забыть о своем скрежете, по которому в нем угадывался будущий истинитель.

— Бандитом буду!.. — повторял он.

А последний из шестерых, я, не смел ни о чём мечтать и только вместе с друзьями радовалась возможностям в четверг после обеда провести несколько часов в «Мадагаскаре». За право смотреть фильмы вся банды должна была единогласно поддакнуть троупер перед кинематографом.

Что и говорить, «Мадагаскар» был единственным нашею рабочестью. Общества цирковых привозили нас к нам для выступлений в хоре, мы свешивались над балюстрадой и с набожным видом держали в руках зажженные свечи так, чтобы капли расплавленного воска попадали на головы прихожан. Школа, где учитель рисования дразнил учеников за уши, а учитель музыки заставлял гоняться за собаками и мог избить за одну

фальшивую ноту, пугала и озабочляла нас. Зато «Мадагаскар» открывал перед нами широкие, радужные горизонты.

У нас имелись деревянные пистолеты, лассо из бельевых веревок и коробка из-под бисера «Хардан», набитая всевозможными первыми, вторыми и третьими звездами своих шапки, когда изображали индейцев.

Флоря, придумывавший игры, проявлял неисчерпаемую изобретательность. Помимо, однажды Линкс, сын парикмахера, угодил пальцем в несчастного тузыма, которого американец Боббросает в кипящий котел. Линкс был освобожден от этой казни, но взамен мы побрасывали, чтобы он сел на трубу от баллона со скрытым воздушом, и он, как мальчишка, скатился с горы, сорвался с края края, и упал на землю, не вредясь. Испытание чутко не кончились трагически. Не поддаваясь, что его ожидает, Линкс пресколько успел, и мы, ссыпавшись вокруг, смотрели, как Флоря укладывал вертлуг клапан, открывавший выход струе воздуха. Целую неделю потом сын парикмахера лежался на шум в ушах.

Мне позвезло однажды на Томом Миксом. В фильме герой попадает в руки индейцев, которые подвергают его пыткам и бросают по лумерту на реалии перед приближающимися позездами. Томом Миксом расстигивается на спине между рельсами. Позезд проносится над ним, не задев его.

В течение недели ясно банде спело повиновалась мне. Но в последний день я должен был, подражая отважному Тому Миксом, повторить его подвиг — лежь между рельсами железной дороги, проходившей у нашего предместья.

Я отчetalо помню, как Магу гордо потрясал петушиными перышками, которыми он украшил свою кепку, и нахально сказал:

— Ещё бы подражавши, как ты хочешь: с обнороком или без обнорока?

Вы лучше поймайте меня... — звята.

— Звята! — воскликнул Тити Бутой, размахивая пуком, сделанным из ручки зонтика.

Звята четверг!.. Новая картина! С обнороком или без обнорока?

— Бе-бе-без обнорока! — ответил я, занявшись и чувствуя, что сознание в самом деле начиняет покинуть меня.

Вдруг показалась черная точка поезда. Индейцы подхватили меня под мышки и потащили к рельсам. Думаю, что моя белая, как мел, ро-

жница не делала чести грозному Тому Миксом. Я дрожал, как осиновый лист, и с трудом мог вымолвить:

— Я сам... оставьте меня... сам!

Я прижался к шпалам. Индейцы отошли в сторону и, присев на корточки, испуганно поглядывали на меня. Черная точка все увеличивалась. Если бы я тогда убежал домой, они оставили бы меня в покое. Даже для них такое испытание казалось бы слишком. Но же моя мать... и убежать. Ничто кроме, чем моя воля, приковывало меня к шпалам. В ушах звенело. Мне казалось, что шпалы недостаточно глубоко вкопаны в землю, а рельсы плохо привинчены. Парализованный страхом, я понимал, что решетка перегорода может раздавить меня. И тут же мелькала мысль, что ведь настоящего Тому Микса она не раздавила. Том спокойно прижался к шпалам, закрывая глаза лишь от боли, вызванной ранами, которым он получил в сражении.

Рельсы начали дрожать, поезд приближался. Я приподнял голову в надежде увидеть кого-нибудь, кто мог бы помочь из-под мыши индейцев. Но никого не было. Лиши в выщупленных глазах Титы Бутой в синтетическом оттенке страха и сомнения. Остальные индейцы угремо глядели на меня, подавая знаки, чтобы я опустился голову. Я прижался лицом к шпале. Раскалеченное на солнце дерево обожгло мне щеку. Пистолеты у пояса больно вытыкались в живот, а дрожание рельс отдавалось в мозгу. И в этот момент мне вспомнилось, что когда вагоны расцепляли и превращали в лежаки для номадиков. Я всем своим существом чувствовал, что надо бежать, но неизвестный мыслей о распиленных гвоздях парализовал меня. Как будто время остановилось. Мир погрузился в серую бесконечность. Потом в нос мне ударил резкий запах шланка. Меня оглушил лязг железа, который с дьявольской скоростью перекатывался надо мной. Сверкающие гвозди острые, как стрелы, прыгнули под кепку мои, словно сплетенные из сорго, волосы, мешая мне в голову, руки, ноги, туловище. Видения внезапно исчезли, я потерял сознание.

Когда я пришел в себя, поезд был еще далеко. Обнорок длился не более нескольких секунд. Я спрыгнул с насыпи и, остановившись перед индейцами, с ненавистью посмотрел на Магу:

— Иди сам, если не боишься...

Флора устремил на меня взгляд, в котором сквозило превосходство, насыщенное презрением. Горбун бросил на землю кепку и, не сказав ни слова, растянулся между рельсами. Позезд быстро приближался. Когда он перегородил мне уши, я услыхал — все сразу, — что замы и сам Флора.

— Го-о-о-о! — заорал Тити Бутой и первым бросился к Магу.

В самом деле, горбун Флора сильно возвышался над рельсами. Мы оторвали Магу от шпал, и через секунду место, на котором лежал он, исчезло под паровозом. Это был пассажирский экспресс. Блади, как бумага, Флора ломал пальцы, дико смотрел влево, поезд, так больно ранившему его гордость, шел:

— Бандитом буду!.. — кричал он.

А вскоре появился Тити Бутой, когда Флора получила смерть и мог стать нам всем вдвойне. За несколько дней до экзаменов он был исклучен из гимназии, потому что его мать не смогла заплатить за обучение. Измученная тяжелым трудом и болезнью, прачка слегла в постель и умерла еще до наступления ионийской жары. Флора остался совсем один, несмотря на то, что внизу комната, в которой мы прежде играли, переходил брат его матери с женой и кучей детей, горбун замкнулся в себе, как китка.

Флора поступил учеником в парикмахерскую, которую содержал старый Линкс, но вскоре понял, что маленький рост и физический недостаток никогда не позволят ему заняться этим ремеслом. Он попытался найти другую работу. Одно время подвизался у Чапуткевича, забыв о чистоте «Мадагаскара», затек некоторое время провел в погребе трактирщика у застолья, где мы бутылки и разбивали водкой вино. Но горбун сбежал оттуда. Зимой, когда колядки давно прошли и люди уже успели позабыть, что пережили еще одно рождество, я видел, как Флора заходил вечером во дворы

предметы и, останавливаясь перед окнами, спрашивали:

— Принимаете со звездой?

Только потом я поняла, что он был голоден и что гордость не позволяла ему просто просить молчанино.

Приближалась весна. Год обещал быть еще более суровым: начались войны. Люди оставляли пакеты на фабриках, увольняли рабочих, хлеб добывали из-под земли, а предметы домашней жизни самые невероятные спустились.

В «Мадагаскаре» продолжали каждый четверг выставлять доски с новым фильмом. Но пана Чапуткевича наизнанку было узнать. Казалось, земля горела под его ногами. Поляк все чаще выходил на улицу и, устремив взор куда-то вдалек, говорил только о желанном острове, стараясь убедить всех в том, что если Мадагаскар присоединится к Польше, немцы ни за что не осмелились бы напасть на его родину. Он напивался каждый вечер. Мы же не понимали, что происходит на свете, ибо доказали, что несуществующий остров Иоганта Флоря стал бледнее и мечтательнее, хотя братья Рику и Тити Бутой поступили учениками к контороговорцу, а Лисс должен был серьезно подумать о будущем фирмы отца — индейцы, ковбои, пираты не надевали нам.

Но вот однажды, в четверг утром, когда пана Чапуткевича, еще не пришедшего в себя после клятизматической пьянки, выставил доски с кадрами, мы, как обычно, ткнули пальцами в героя фильма, который должен был многое перевернуть в нашей жизни.

— Это я!

— Это я!

— А это я!

Мы посмотрели фильм и мало что поняли. Лишь Магуя была взволнована. Щеки его раскраснелись, а глазах светился какой-то незыгарьственный огонек, какое-то необычное устроство.

Он начал сидевшие сидевшие,

— Видите! — Ты тоже видел! — спрашивал он, заглядывая каждому в лицо, и взгляд его становился все беспокойнее.

К нам подошел пан Чапуткевич.

— Мадагаскар! — Мадагаскар! — восторжен шептал он, устремив взгляд на установленные звездами небо, и глаза его были полны слез. — Это Мадагаскар! Ребята! Понимаете? Мадагаскар!

Сразу Берта, во время действия без конца сказавшая «Мадагаскар», — кассой и двумя тяжелыми портфелями уходила из кинотеатра, а теперь на своем высоком стуле, подперев море от слез лицо маленьких пухлых кулачками. Репродуктор, передававший в тот день, быть может, впервые за свое существование нечто иное, чем дикие вопли и выстрелы, молчал.

В фильме и речи не было о Мадагаскаре, там рассказывалось об острове Таифа, затерянном в Тихом океане и населенном мирными туземцами — необычайно красивыми людьми, какими-то склоненными расы, искусными охотниками, гигантскими курицами и зайденными танкорами. На протяжении двух часов никто не стрелял, никто не испускал душегеридящие вопли, никто никого не душил, никто не проглатывал в зал четырехметровую лапу с судорожно скрюченными пальцами. Ни одного иного, ни одного самоубийства, ни одного призыва из окна шестого этажа. Герон только танцевал пели, охотовался, а дядя Европейчик потерявший крушение и выброшенный в бесконечность с обрывом скалы, стал членом счастливого племени.

Разве это фильм? — в один голос удивились братья Рику и Тити Бутой, презрительно кряхтясь. — Чепуха!..

Санду Праф и Лисс растерянно поглядывали то на пана Чапуткевича, который стоял прислонившись к дверям, то на Флоря, грозного Магуя, сидевшего на тротуаре у ног польши. А мне казалось, что я поняла то, что произошло. Наверное, склоняясь к земле перед паном Чапуткевичем, жители квартала с Пантильимона, необъяснимою жизнью, о которой тайно мечтает каждый человек, мир, где не было бы горя, нужды и слезы, где осуществлялись бы все надежды и чаяния человеческой души... Увиденный в картине остров представлялся Чапуткевичу давно желанным Мадагаскаром, а гор-

буну Флоря — страной, в которой ему не прислошили бы стать бандитом.

Пан Чапуткевич с тех пор, как у него появился новый фильм, уже совсем не находил себе места. То он принимался уверять нас, что изображенная в картине страна и есть Мадагаскар, то бросалась в спальне своей жены и поспешно укладывал вещи в два чемодана, давно приготовленные для постоянно откладываемого отъезда, то остановил кого-нибудь прохожего, чтобы тот его за руки в зрительный зал, даже не спрашивая у него билета.

— Вы видели Мадагаскар? Ведь это Мадагаскар!..

— Мадагаскар, пан Чапуткевич! — поддакивал трикотажник Гогу, поднося ему вечером стакан с вином, замятый в толстых, красных, как редиска, пальцах. — Сразу видно, что Мадагаскар. Люди там, как ангелы небесные, ходят в чём мать родила и забот никаких не имеют, одним святым духом питают.

А иногда, в эти недели, когда мы уже перестали играть в эту игру, приникали невероятное, роковое решение. Он сказал нам об этом в воскресенье вечером:

— Я еду к индейцам!

Сначала мы рассмеялись. Флоря строго взглянула на нас и повторила с твердостью, не свойственной двенадцатилетнему подростку:

— Еду. Завтра еду к индейцам.

— Мы тоже поедем, — робко проговорил Лисс.

— Нет, вы оставайтесь. Сначала поеду я, договорюсь, чтобы они приняли нас всех, а потом приду за вами.

— Ты что, спятил? — спросила Рику.

— Наверняка спятил, — подтвердил Тити Бутой.

— А как ты будешь разговаривать с индейцами? На каком языке? — вспомнила Санду Праф.

— Там видно будет.

— Где же ты их найдешь?

— Ерунда! Кто же не знает, где Таифа!..

Флоря уехала в воскресенье утром. Мы стояли в зале кинотеатра и смотрели на маленькую фигуру, склонившуюся на крыше товарного вагона. Когда поезд тронулся, горбун помахал нам рукой. Мы, как одержимые, бежали за составом до тех пор, пока наш смелый предводитель не превратился в черную точку. Затем и поезд тоже стал маленькой точкой, которая наконец исчезла за горизонтом.

Он уехал. Весть об этом разнеслась по предместью с колесницей быстрой. Пан Чапуткевич обнял маленькую бабочку, пробежавшуюся членком квартала и вскоре вознесшую его до героя. Родители брачими нас, любопытные приставили к нам с расспросами, а мы не могли разобраться в собственных мыслях, то терзаясь беспокойством за товарища, то испытывая зависть, смешанную с непонятной радостью.

Мы не успели опомниться. На второй день горбун привез мертвого, в ящике из-под консервов. Голова мальчика была прикрыта листьями лопуха. Флоря ударила о страполита моста над рекой Пражской: не подозревая об опасности, он встал во весь рост на крыше вагона.

В четверг после обеда, в то время когда репродуктор под вывеской кинотеатра «Мадагаскар» снова начал изрыгать разъязвенные вопли, лошадиный топот и выстрелы из нового ковбойского фильма, на покоронных драгах примирились ² везли на кладбище «Вечница» консервный ящик, в котором находился грозный Магуя, юроды индейцев квартала с Пантильимона. Когда ящик был опущен в пропасть кинотеатра, пан Чапуткевич прокричал в кинотеатре:

— Еще один не дошел до Мадагаскара... Еще один...

А после того как дроги повернули за угол, нам вдогонку донеслось, как эхо, завывание ревущего репродуктора. Потом, когда головой, блуждающей взглядом проводя похоронную процессию и пересохшим губами пропшел:

— Еще один не дошел до Мадагаскара...

— Еще один...

А после того как дроги повернули за угол,

нам вдогонку донеслось, как эхо, завывание ревущего репродуктора.

Перевел с румынского
Татьяна ХАИС.

² Городская управа в бракузано-помещичьей Румынии.

Иван ТОГОЛЕВ

ПОБЕСЕДУЕМ ПО ДУШАМ

Влажный дождь, скучной, непоседливый,
К нам стучит в полотенцедом.
Посидим, дружок, побеседуем
За таинственным, крепким чайком.

Все таинники это ведают,
Что беседа тогда хороша,
Коль заварен чайк, как следует
И открыта друзьям душа.

Над горами туман поднимается,
Горы — словно лосья спина.
Что сегодня тебе вспоминается:
Город шумный, дочка, жена!

И сейчас над погасшего трубокою
Не о том ли задумка опять?
Завтра снова зайнемся рубибою,
Станем вечный лес корчевать.

И тайга на нас не обидится:
Будут здесь и завод и сквер.
Это наши папки видятся
Сказью: дождливую мглу Москве.

Влажный дождь, скучной, непоседливый,
Бьет по веткам, шуршит кругом....
Посидим, дружок, побеседуем
За таинственным, крепким чайком.

Перевод с языка Юрий ПОЛУХИН.

Ефим ПАРНИКОВ

ПЕСНЯ

Отчего ты все сторонишься,
Обйти меня стараешься!
То ли с умыслом хоронишься?
То ли попросту стесняешься?

Сколько дней с тобой не виделись!
Расскажи мне все доверчиво:
Может, ты не что обиделась!
Или уяззил, мне нечего!

Растопык свою мое доводы:
В чем вина моя тяжела?
Я и сам имел поводы,
Чтоб ходить, понурив голову.

От печали мысли крутились,
Сердце жгет, тоской томимое.
Ты шептишь, моя подругенька,
Лишь одно слово люблюмое.

Перевод с языка Игорь КОБЗЕВ.

П. КОГОУТ

АХ, СЕРДЦЕ, БРОСИМ ТОСКОВАТЬ...

Насколько через сотню лет
земля прекратит стоять!
А мы помним этот свет...
Бот что нам сердце ранит!

Без нас листья звякуют
зелеными каштаны.
К далеким звездам полетят
без нас ракетопланы.

Другой любовь свою пылать
заставят в крахах страфах...
Ах, сердце, бросим тосковать
о будущих эпохах!

Ведь мы, до самых дальних лет
протягивая руку,
увидим тот счастливый свет
глазами наших внуков.

Перевод с чешского
О. МАЛЕВИЧ.

Вот они, три подружки из Ленинграда! Слева направо: Тамара Рубцова, Нина Ципоркина, Тоня Пуртынина.

НА ВЕРНОМ ПУТИ

Фото В. Леснова.

Посмотрите на этих девушки. Какой счастливой молодежи! У них блестящие, склонные юного задора во взглядах и улыбках! Девушки недавно вступили в институт, сделали первые шаги в самостоятельном шагах. Но столь интересного открылось перед ними, танами увлекательными оказались будни, что не сдержать девушки от радости, от счастья от полноты счастья в их глазах неутомимой молодости.

Все трое — Тамара Рубцова, Нина Ципоркина и Тоня Пуртынина — живут в Ленинграде. В прошлом году получили аттестаты зрелости. В те дни немало было построено разных планов. Однако удачно, действительно богаче и ярче, чем они представляли ее в школе. Пришли три подруги на Телевизионный завод имени Константина Чекина, работали в просторных цехах, постоли на сложных аппаратах, посмотрели, как работают такие же, как они, девушки, и не остались здешними. Тамара пошла на работу строчных трансформаторов, Нина и Тоня овладели профессией: намотчицы.

С каждым новым днем все родители становятся заводом в разумной работе машин они валили отвлеченные формулы и законы, слышанные на уроках, и не раз с умытой головой приходили отмечать про себя: нет, не зря они начали двадцатипятилетку!

Три девушки — три веселые подружки. Много дел у них впереди: многое еще предстоит. Работая, в цехе помогают девушкам разобраться в промысловничестве, более точно определить призвание. Тамара хочет стать педагогом.

Ей нужно известить сегодня ребят в школе-интернате № 7, где она помогает воспитателям. Радиотехником собирается быть Инна. Она занимается на курсах, подготавливается в институте радиотехнического. Тоня готовится поступить в Технологический институт имени Ленсовета. Девушки знают, но обходят мнение бывших подруг. Ну так что ж, они и не хотят покидать свой лагерь — вернуться к жизни.

В заводской библиотеке тысячи томов художественной и технической литературы. Подруги часто пользуются ими. Однако не забывают они заглянуть и в только что вышедший журнал мод. Это ведь тоже нужно...

Тамара Рубцова внимательно следит за приборами. Она проверяет на специальной установке качество токопроводов в стручных трансформаторах.

Занерпить проводки на катушке,— кажется, легкая операция. Однако и здесь немало требуется ловкости и спортивности. В этом каждый может убедиться, наблюдая за работой Тони Пуртынной.

Работа требует от Инны Ципориной большой со средоточенности; ведь тонкий проводок при на мотке на катушку может легко обернуться.

Пришло письмо из Лейпцига от молодых рабочих завода радиоаппаратуры. Послушать, о чем пишут друзья из Германской Демократической Республики, собралась в цехе молодежь.

Появление Тамары в школе-интернате № 7 — всегда радостное событие для ребят. Тесным кольцом окружна девушку, они слушают ее увлекательные рассказы о заводе.

Игорь ГОЛОСОВСКИЙ

ЗАПИСКИ ЧЕКИСТА БРАТЧЕНКО

ПРИКЛЮЧЕНИЕСКАЯ ПОВЕСТЬ

(Окончание. См. «Смену» №№ 19, 20, 21 и 22)

Двое из бригады студентов, убирающих уличные в целинном сарайе—Сергей Гоголев и Иван Ремизов, случайно находят связку поиметавшихся от времени тетрадей с записками о засадах Федора Братченко, развернувшихся в те годы где-то на Алтае. После освобождения города Красного Алтая от белогвардейцев, Федор Братченко, в его подчинении три человека: Николай Малинин и недавний гимназист, сын местного учителя географии Лешка Колычева.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Автомобиль подпринял на панели и врезался в стену. От толчка я вылетел на мостовую. Краснавчиков выстрелил в Романока, Бежавшего по улице, но промахнулся. Через секунду Романок скрылся в воротах. Начальник штаба сорвал с шапки звезду и закрикнул офицеру, выпрыгнувшему на бронекважи:

— Сюда! Сюда!

«Ах, мерзавец!» — успел подумать я, бросаясь в узкий темный переход. Грянула длинная пуламетная очередь. Пули взрывы снег. Петляя, в мчался по дворам, перепрыгал через заборы. Наконец, задыхаясь, остановился на пустыре.

— Вот он когда показал себя, предатель! —

Рисунок Ю. Ракутиной

шапка. Цепной больших усилий чинисты с помощью председателя ревкома Волиншина расправили в Красном контрреволюционный заговор. Удастся арестовать всех заговорщиков, но покоры кнутом не сумеют отобрать белогвардейцев Степаня. Но в тот же день в Красный внезапно врывается белогвардейский офицер из штаба красногвардейского полка Романок и его начальником штаба Краснавчиков последними покидают Красный. В их автомобиле садится и Федор Братченко.

Думал я.— Вот кого ныне я виду Никонкин! Но Краснавчиков, конечно же, не из моего круга. Степаня? — Значит, был еще кто-то? Кто?.. Ничего, все тайное когда-нибудь станет явным, и мы не избегнем пути, чтобы ты им были!. А сейчас я должен уходить... Но появляться в городе, переполненном офицерами и казаками, опасно... «Учителя географии Александрович!» — вспомнил я.— Вот у кого можно отсидеться! Его дом стоит на окраине, там, без опасности. А может быть, и Лешку встретчу! Примысли о Лешке на душу не мешали. Я снял шапку, снял пальто, снял патрульную каску и, садясь в задорном маш-чешском чубуке, я стал пробираться в дому Колычевых. Куртку вывернув подкладкой кверху. Дело в том, что кожаная одежда в те годы сделала своеобразной эфирной коммисарской».

Для того, чтобы попасть в ту часть города, где жил Алексей Александрович, мне пришлось пересечь Никольскую улицу. Я дождался темноты и двинулся в путь. Здание бывшего Купеческого собрания было освещено, как в праздник. Слышились машины, звуки духового оркестра. Красный скрипел, трещал, голову гнула, пыль часовой, как видно, не покидала глаза отстать от офицеров, веселившихся на верху. Больше никого не было видно. У меня внезапно появилось желание заглянуть в окно, посмотреть на уловленных своей призрачной победой белогвардейцев. Зачем? Не знаю... Конечно, не следовало без нужды подвергаться риску. Но, должно быть, меня влечено какое-то предчувствие. И, оказалось, не зря.

Чтобы не обращать на себя внимания, я обогнал здание, прошел сквозной двор, зорко блеснула на карнизе и приник к холодному стеклу. Изицру оно поднерзло, поэтому я с трудом различал фигуры людей, движавшихся по залу. Найда более удобную точку для наблюдения, я увидел установленные бутылками стол, за которыми сидели офицеры. Высокий мужчина остановился перед окном спиною ко мне. Он загородил зал. Уже наявралася спрыгнуть, но тут мужчина повернулся. От неожиданности я едва не упал: это был Егор Малинин!

Увидев его сразу, несмотря на то, что на нем была другая одежда. Я достал пистолет. «Ты не уйдешь, поди! Недаром не лежала у меня к тебе душа! Понти, кто сообщил Степанку о моем пребывании в его лагере. На сейчай ты ответишь за все преступления! За смерть Сони, за убийство часовщика, охранявшего банк, за гибель красноармейцев... Ты уме-

ло носить свою маску и ныне чувствуешь себя в безопасности! Не рано ли?»

Недаром был в пяти шагах от окна. Я приселлся. Стекло разлетелось. Осколки осыпались меня колючим дождем. Я жадно смотрел в открывшийся перед мной зал, с которого как будто сорвали кисею. Первый, кого я увидел, был Малинин. Одной рукой он держал пистолет, другой пытались отдернуть сапоги на ступицу. Судя по всему, беспулемет: тело его освободило. На него встремились глазами. С какой неизвестно смотрел он на меня! И тут я выстрелил еще раз.

Не стану описывать своего бегства. Мне удалось скрыться, хотя меня ранили в плечо, когда я, отстреливаясь, уходил через проходные двери.

Я долго не мог найти домик учителя географии. То ли на меня нашло какое-то затмение, то ли я сильно ослаб от потери крови, но я не узнавал улицы. Бред наугад. Вдруг кто-то взял меня за плечо. Знакомый, что надгребнутый голос произнес:

— Федор Гаврилович!

Я увидел Алексея Александровича. Он стоял в своей темно-зеленой шинели. Шляпа его была обмотана шарфом. Стекла пенсне твердо блескали. Я молча пошел за ним... Каирти казалась нежилой. На полу валялся сор. Не успел я войти в столовую, как очнулся в объятиях Лешка. Тискал меня, он захлебывался от радости:

— Что это вы сюда придете! Знали?

Лешка случайно сдавил мне плечо, и я не удержался от смеха.

— Вы ранены?

Вскрипала рана была промыта, смазана йодом, перевязана.

— Леша! — беспокойно сказал учитель, выглядывая в окно. — Я бы на вашем месте...

— Правильно! — спохватился мой помощник. — Здесь опасно оставаться. Соседи знают, что я работает в Чехе. Но тут у нас есть хорошее место. Можно спокойно отсидеться. Я уже припас проектор.

Его спасли меня обрадовало. Я понимал, что краснавчиков сделает все возможное, чтобы разыскать меня.

Учитель поднял мясо с мясницкому книжному шкафу. Вылез с Лешкой, поднатужившись, они отодвинули его, и в стекле открылась глубокая ниша. Раньше в ней, очевидно, тоже хранились книги: виднелись пазы для полок, но самое поле не было. Внизу валились толстые томики бумаги.

— Это все моя промышленность! — смущенно покрасил учитель. — Когда помолол был, ментал болел уроками выращивать в алтайской степи. Но отчего меня гнали. Едва сумасшедшим не объявили. Нет уж, видно, переделывать жизни с агрономом надо начинать. Это я теперь хорошо понял...

— Пока можно и в коммите посидеть, а если постучут, спрямись! — предложил Лешка. Я не успел отвечать. Во дворе аксирели снег. Мы залезли в нишу и с помощью учителя придинули шкаф. Алексей Александрович пошел открывать. Попсыльщик грубыми голосами:

— Ты, что ли, будешь Колычеву училишь хриплый бас... — А где твой гимназист? Голосил полковник его к себе требует! Пойди сюда... Я не знаю, где он, — тихо, но твердо ответил учитель.

— Не знаешь? Врешь! Обыскивать коммите!

По дому начали шарить солдаты. Я вытащил пистолет, Лешка последовал моему примеру. Мы решили живыми не сдаваться.

Зазвенело разбитое стекло, посыпалась на пол книга... Вот сейчас они отодвинут шкаф и... Но шаги отдалились. Потом мы услышали удивленный возглас:

— Смотрите, господин фельдфельдъ, вата! А на вате кровь!

— Видать, раненого перевязывали.

— Говори, старик, где сына спрятал?

— Я ее прятал ею! — ответил Алексей Александрович.

Попсыльщик захлопнул дверь. Лешка вздрогнул. Я ощущу отыскал его руку и покал.

— Молчиши! — орал фельдфельдъ. — Всерьез! Я в пятьдесят! Здесь он, никому чук!

Хлопнула парадная дверь. Тонкий, как хлыст, голос стегнул воздух:

— Нашали!

— Никак нет, выше благородие!

— Конечно, было бы грубо со стороны этого чекиста, если бы он сидел дома и ждал нас. Я и не надеялся застать его тут, но ванно узнал, где он. А вы, господин учитель, долго собираетесь играть в молчанину?

— Вы не имеете права так со мной говорить, молодой человек! — резко ответил Алексей Александрович. — Давно ли вы отвечали у меня урок? Герон! В него превратились, доблестное русское офицерство! В бандитов!

— Молчите-ат!

Вдруг хлынул вспышка, негромкий, как будто кто-то доской ударили по полу. Голос склонился. Настала страшная, напряженная тишина. Лешка задыхался. Я тихонько нахрапнила на его плечо.

Солдаты помали мебель, разбрасывали книги. Все это продолжалось еще минуту десять. Лешка лежал, уткнувшись в мою руку, и беззвучно плакал. Но вот солдаты ушли. По полу повеяло холодом из разбитых окон. Мы отдохнули шкаф...

Учителя лежал, откинув голову. Его губы были плотно скаты. Лешка с мгновением осунулся, склонился, чтобы отнести упавшую на пол. Мы перенесли тело в спальню. Колюков поцеловал отца в губы, прижался щекой к его южной руке и долго сидел не шевелясь. Потом вышел в столовую.

— Всё! — сказал он, прача от меня глаза. — Пощади!

— Да! — ответил я, удивленный и взъяненным его мужеством. Ичез гимназист, романтический, добрым парнишкой! Передо мной стоял суровый и твердый солдат революции. — Пора уходить, — сказал я.

Мы с Лешкой поспешили собираться в путь. Бросив в мешок продукты, одежду. Перед тем как выйти, Алексей достал из ниши стопу бумаги, исписанную аккуратным почерком учителя:

— Вот... бедный отец! Все писал своих проекты...

Я взял покрытые пылью тетради. Перевернул несколько листов. Учителя писал о богатых возможностях, заложенных в алтайских степях, о новой, разумной системе земледелия.

Вернув Лешку тетради, я сказал:

— Когда-нибудь настанет время и для таких проектов!

Кольцов положил бумаги отца на место и приấnул шкаф. Мы вышли. Я хотел добраться до железнодорожной дороги и разместиться в депо машиниста Каленчука, который однажды, еще до революции, вывез меня из Крайска в Тандаре. За много лет до патана гнались агенты охранки. К счастью, я знал, каким же способом нам удастся выбраться и теперь.

До станции добрались без присложений, хотя улицы кишили солдатами и казаками. Дальше идти вдвоем было опасно. Оставил Лешку в будке у знакомого стрелочника, и отправился в депо. Каленчук нашел быстро. Он проверил пасечники, готовясь к рейсу. Выслушав просьбу, он ответил:

— Можно. Но однога. Утоля нынче мало, тепер пустой. А в будке солдаты погодят. Двоих не спрячу...

Рассердился с Лешкой! Да, иного выхода не было!

«Я где-нибудь отыщуся, дядя Федя! — сказал он мне. — Я дождуся наших... Не беспокойтесь!»

Мы крепко обнялись и поцеловались. До скорого свидания, Лешка...

ЭПИЛОГ

«...До скорого свидания, Лешка! — прощал Сергей Готовцев и умолк. Он положил в сумку последнюю тетрадку и открытым голосом сказали:

— Вот и все!

Ваня Ремизов сидел, обняв колени и положил на них подбородок. Студенты долго молчали. Перед ними словно раздвинулись стены землянки, заслушавшие страстные голоса героя-большевиков, о которых сложено столько легенд и песенок.

Сергей потягнулся сильнейшей тоненькой струной на песька. Внезапно упало несколько больших комков земли. Стала светлее...

— Но когда же Федор Гаврилович написал свои воспоминания? — задумчиво пробормотал Готовцев.

над кабинами которых пыхали алые флаги, и не могли отвести взгляд от этого драматизированной хозяйской гордости, за эту солнечный мир. Он вспоминал о «проектах» старого учителя. Мог ли тот думать, что действительность окажется зря самой смысла его мечты!

Через два дня в палату к студентам зашел директор совхоза в сопровождении незнакомого пожилого мужчины в сером брезентовом плаще.

— Руководству придется отдать этому товарищу, — сказал Рокша. — Разрешите вас познакомить. Научный сотрудник краинского музея. Никитин.

Что ж, ничего не поделаешь! — вздохнул Сергей.

— Вы не будете жалеть об утрате, когда услышите то, что я расскажу! — Никитин снял очки. Лицо его стало торжественным. — Знаете ли вы, что записки, которые поучаствовались вам найти, уже много лет разыскиваются? Му-

зей! — добавил он, смеясь.

Через неделю открылась выставка в Тандаре. На ней были представлены экспедиции, но безуспешно.

— А как вам стало известно о существовании рукописи? — спросил Сергей.

— Из письма Алексея Алексеевича Кольцова.

— Лешки Кольцова! — вырвалось у Вани Ремизова.

— Положим, он давно уже не Лешка — улыбнулся Никитин. — Он живет в Москве и работает директором научно-исследовательского института. Кольцов задумал написать книгу о Федоре Братченко. Тогда-то ему и подобилось рукопись...

— А он откуда о ней знает? — Глаза Сергея разгорелись от любопытства.

— В письме, которое мы получили еще до войны, было сказано, что Братченко, отправляясь на опасное задание, передал Кольцову свои тетради.

Однажды на Кольцову напали белобандиты. Поняв, что уйти не удастся, он спрятал запаски Братченко в заброшенной землянке, надеясь, что их найдут после его смерти. Но он остался жив. Прошли годы. Кольцов забыл место, где находилась землянка. И когда в тысячу девятьсот тридцать восемь году ему понадобились тетради, он мог лишь приблизительно определить район, в котором они находятся. Я уже говорил, что поиски были безрезультатными...

— Как мы обрадуемся Алексею Алексеевичу! — Мы немедленно перешли к нему рукою...

— Разрешите нам с Ремизовым сиюминутно вернуться в Тандару, — сказал Го-

твояца.— Мы ведь скоро возвращаемся в Москву. Нам так хочется узнать, что было дальше с Федором Братченко и Лешкой. Вы не беспокойтесь, мы будем беречь... Честное комсомольское.

...Кольцов жил в небольшом доме, в таком арбатском переулке. Ремизов и Готтес поднялись по ступенькам, чтобы пронести мимо.

Дверь была заперта, а тащущий мучника из-за штористки, с седыми бровями и внимательным взглядом голубых, словно выцветших глаз. Взгляну на гостей, Кольцов сказал:

— А я вас знаю! Вы Серафика и Ваня. Никитин спросил мне о вас... Входите, ребята! Записки Федора Гавриловича вы захватили?

— Да,— ответил Сергей, протягивая тетрадки.

— Это они,—тихо сказал Кольцов.—Раздевайтесь, чай будем пить.

— А чай, чай! — отрываясь от волнения, ответил Сергей.—Лучше расскажите, что было после того, как вы рассстались с Федором Гавриловичем.

— Ну что ж... согласился Кольцов.—Мы самому полезно восстановить в памяти события тех дней. Простившись с Братченко в будке стрелочника, я пошел в город, к одним знакомым: домой-то возвращаться неизвестно было. Меня спрашивали в чулане. Едва за мной закрылась дверь, как я почувствовал огромную слабость в ладонях... Несколько дней я пробыл без памяти.

Я очнулся оттого, что кто-то ласково шептал мне в ухо:

«Леша! Ты слышишь? Ты слышишь меня?» Открыл глаза, я увидел Братченко. Он рассказал, что белые из города выбыты, восстановлен Советская власть.

Выздоровев, я вернулся на работу в Чеку. А работы хватало. Мы боролись с бандитизмом, сражались с позездами мешкователями, супружескими конфликтами, контрабандистами-нервами. Николаев в городе был наложен норильская жизнь. И тогда я стал замечать, что Федор Гаврилович удивляется по вечерам, а иногда в его кабинете свет горит до утра. Обычно он ничего от меня не скрывал, а тут на вопрос, чем он занимается по ночам, смущенно пробормотал что-то невразумительное... О том, что Братченко пишет свои воспоминания, я узнал случайно. Мне в один раз взяли у него кавалерийский Знак поступка, я решил забрать. Это было уже поздней ночью. Федор Гаврилович спал, положив голову на край стола. Подойдя, я заглянул через его плечо и увидел вот эту самую рукопись... Молод я тогда был и глуп. У меня хватило бесстыдности наутро посыпаться над Братченко и указать ему на некоторые орфографические ошибки, подмеченные мной. Он сказал:

«Я не очень грамматен, Лешка, но я хочу, чтобы кто-нибудь после моей смерти как мы работали, боролись...» И он сшибшился с Федором Гавриловичем помогал и добавил: — Скоро я уезжаю в командировку. Справь эти записки у себя. Они не окончены. Когда вернусь, буду продолжать».

«А куда вы уезжаете?» удивился я.

«Тебе могу сказать,—не сразу ответил Братченко.—Ты знаешь о том, что Волонин отвез арестованных заговорщиков в Барнаул. На днях он звонил мне по телефону и сообщил, что из них показания стали известны некоторым из нас, а из них и о том, что был с ними связан. Словом, надо проверить материалы следствия и распустить еще несколько узников. А сейчас прощаю».

Не прошло и пяти дней со дня отъезда Братченко, как немецкий солдат со следами спотыканий погон на шинели привез Чеке известию о его гибели. Федор Гаврилович был сквачен опознавшим его стениковцами и зверски замучен. Но он успел передать нам крайне важные сведения о Стенкевиче, благодаря тему стениковскую банду мы сумели вскоре отыскать и ликвидировать. Эти сведения привнесли солдат, сообщивший о смерти Федора Гавриловича.

Отослав документы Волонину в Барнаул, я остался наедине со своими мыслями и затосковал. Горе мое было так велико, что работа вспыхивала из рук. Поздно ночью мне захотелось вдруг взглянуть на записки Братченко, которые хранились у меня дома. Я зажег свет, но в это время услышал под окном скрип снега. Осторожно приподняв занавеску, я от-

принул. Во дворе, освещенные голубым лунным светом, гарцевали на конях несколько всадников. Через секунду они спешивались и, привязав коней к забору, стояли окружая дом. Ими командовал мужчина в сером кашеке и узких сапогах. Когда он повернулся ко мне лицом, я узнал его: это был красноармеец.

Мужчина, называвшийся «Фиником», Красноармеец хорошо известен о гибели Федора Гавриловича, — подумал я.—И вот он решил устранить последнего свидетеля своего предательства. Дом мой стоит на окраине. Красноармьевков рассчитывает быстро расправиться со мной и ускакать да того, как патрульные красноармейцы сбегутся на выстрелы».

Шаги слышались уже на крыльце. Скрипнула дверь. Кто-то пробовал осторожно сломать замок. Сунула тетрадь Братченко в подушку, я достал маузер. Сидя в углу, я отдергивал курок, чтобы не то, что подцеплю патрон, не выстрелил. Но бандиты были слишком много. Тогда я решил бежать. Осторожно открыл окно и, краем глаза, увидел, что перебираются через подоконник, упал в глубокий снег и, точно ящерица, полз к воротам. Бандиты заметили меня лишь в тот момент, когда я садился на черного, беспокойно переступавшего ногами жеребца. Попытавшись беспорядочные выстрелы.

Оказавшись на перекрестье, я подумал было, что спасен, но снаружи раздался выстрел из пистолета. «Жеребец», получившийший неопытного седока, помчался в степь, и я не мог заставить его изменить направление. Я хорошо понимал, что в степи рано или поздно меня настигнут, сдали ли уже слышались топот колтят...

После получаса бешеной скачки я увидел впереди сгущенные обертками Белой горы. На выстрелы я уже не обращал внимания. Бандиты палили в меня почти непрерывно, но в темноте не могли попасть... Впереди показалась какая-то избушка. Обезумевший жеребец сделал несколько прыжков, чтобы я выплыл сбоку и скрался на землю.

Передо мной была не избушка, а землянка, неведомо для чего построенная посреди степи. Я юркнул в дверь. Сквозь щели я видел своих преследователей. Они спешивались и стояли осторожно подходить к землянке. Бандиты не торопились, прекрасно понимая, что теперь я от них не уйду. Отдавая себе в этом отчет и я. Я не боялся смерти: знал, на что иду, когда поступил в Чеку. Но мне было жаль тратить и обидно, что Красноармьевков все-таки выйдет сухим из воды...

Визнанная я занялась в полу деревянный лон, открыла его и заглянула в черный подвал. Пахло холодом. И тут я понял, где нахожусь: Не то Братченко, не то Николаев рассказывали мне о тайных складах оружия и продовольствия, созданных в стенах бандитами.

На сей раз подвал был пуст.

Пули взрывались снаружи землянки. Время текло, я сидел в темноте, затаив дыхание. Время текло, я сидел в темноте, затаив дыхание. А сам с себя полезоу с извинением Федора Гавриловича и повесился на гвоздь, торчащий в стенах погреба. Некоторое время я отстrelялся. Но патроны подходили к концу. Стенкевичи больше не нападали: они были уверены, что я отстrelялся.

— Сдаешься! — крикнул один из них.

И все же в руки стениковцев я не попал. Я облизал жизнью красноармейца, которые вспомнили, что я не один, и начали присыпать мне. Оглядевшись, я увидел на несколько скользкая. Мяне уже не было. В общем, мана, истекающего кровью, потерявшего сознание, отвезли в Крайской, в больницу. А тетради Братченко так и остались в землянке...

...Когда дружины вышли из дома, на землю опустился вечер. Деревня тихо роняла желтые листья на мокрый асфальт.

Улицы были полны людей. Москвины расхопились по домам, пока трудовой фонд и Сергей оставались в землянке. Словно сговорившись, они молча смотрели на верхинки липин на ограждении высотные высотные дома. По радио диктор рассказывал о запуске Советским Союзом искусственного спутника Земли. Неподалеку вспыхивали огни электросигнализации и скрежетал подземный кран. Другая слово, на первые увидели все это. И мы показались, что перед нами всплескалась в металла и камни мяча Федора Братченко. За эти мечту отдал им свою жизнь, за нее пополнил тысячи таких, как он, рядовых солдат революции.

Ирина ОЗЕРОВА

МАТРОССКИЕ СЛЕДЫ

В порту ворчала непогода,
Кипели темные волны,
И брызги в стонущую воду.
Как искры, смыались из мглы.

А между волн дрожали странно
Людми забытыми огни,
И, залбнувшись ураганом,
Тонули в сумраке они.

Сбегали и берегу ступени,
Вихрастый, рыхий паренек,
Столпил он, бурею любясь,
Стоял, хотя давно промок.

В такую ночь когда-то шла тут
Дивизия его отца,
В седых, распахнутых бушлатах
Шла до бессмертия, до конца.

И вот за этим поворотом
Смертельно раненный матрос
К охрипнувшему пулепету
Своей тельняшки пригроз.

Столп парнишка у причала,
За пылью дождевой следил...
Быть может, в эту ночь искал он
Матроса этого следы,

Искал, чтобы пойти по следу
И чтобы принести потом
Свою матросскую победу
Во вдовий материнский дом.

Лев СОРОКИН

НАШИ ОТЦЫ

Фотографии давних,
Двадцатых годов
Сохраняя безумны
Лица бойцов
Эти — звездно-полыхатых
Планах бойцы —
Посмотрим-ка внимательней!—
Наши отцы.

Хоть отцами, наверное,
Стали один
Много позже,
Уже не в военных дни,
А другие,
Еще не успев полюбить,
Уходили в землю,

Чтобы Брангели быть.
Где-то в серой степи
Пулепет их скосил...
Не подняться вояки
Из братских могил!

А земля расщепляет,
Но только на ней
Не осталось ни вдов, ни
Ни детей...
Нет, например!
Ведь это бездусых бойцов
Мы зовем поклонением
Наших отцов.
Вы за нас, за потомков,
Сранялись, бойцы,
Мы зовем вас отцами,
Вы — наши отцы!

Молодой рабочий
В. Любашин.

Зуборезчик Ю. Волков — один из лучших рабочих рационализаторов завода.

ИСКАТЕЛИ

Фото

А. Узляна.

Быранная уверенность в том, что рабочий класс и крестьянство нашей страны сумеют создать «действительную социальную и бытную» Руслану Владимиру Ильину Лобашину, говорим о «прекрасном размахе, который даёт народному творчеству великое революционное значение».

Прекрасный размах! Вот то главное, основное, что лучше всего характеризует наше время — активность миллиардов советских людей, которых социалистический строй ободряет к труду — на свободный труд — право — закрепление нашей Конституцией.

За годы Советской власти у нас выросло целое поколение изобретательных людей — изобретателей, рационализаторов, которые ежедневно придумывают что-то новое, что можно использовать в любой научной лаборатории или сельской мастерской творить, выдумывать.

Трудно переоценить тот вклад, который сознательно, добровольно и инициативно внесли советские рабочие в развитие науки и техники, в советское рабочее движение, в народное образование, в народное просвещение. Они автоматизируют производство, создают умные машины и механизмы, облегчающие труд рабочих, улучшают технологию, сокращают технологические процессы, сберегают народно-хозяйственное сырье, материалы, средства, средства.

Из года в год растет и становится все более широким массовое движение рационализаторов, изобретателей, новаторов, ширится размах народного творчества, для которого открыт невиданный простор во всех областях жизни.

Вот несколько привлекающих цифр. В 1954 году в нашей стране было 555 тысяч изобретателей и рационализаторов, подавших предложения и проекты, пять лет числом их увеличилось до 1 150 тысяч, 341 тысячи! За прошлый, 1956 год внедрено в производство 1 150 000 миллионов 405 тысяч различных инноваций, реализации которых дала государству 7 миллиардов 361 миллион рублей.

Сегодня мы публикуем репортажи нашего фотокорреспондента о молодых изобретателях и рационализаторах Шадринского завода фотографических машин. На этом предприятии из более четырехсот, этих людей пятьдесят пять — бессюжетные изобретатели нового поколения, предложений, внедренных здесь в минувшем году, принесли свыше полумиллиона рублей экономии.

— Твое последнее предложение даст более двадцати тысяч рублей экономии, — говорит Владимиру экономист Евгений Чистяков.

Молодой мастер Первов автор многих технических усовершенствований. Недавно он сконструировал фасонный резец, применение которого позволяет в семь раз сократить время обработки деталей.

«ТРУДНОЕ ЛЕТО»

Еще будучи студентом, Семен Шуртаков писал рассказы и очерки о жизни колхозной деревни. Этой же теме посвящена и его повесть «Трудное лето», вышедшая в издательстве «Молодая гвардия».

Автор сам вырос в деревне, работал трактористом и потому хорошо знает то, о чем пишет. Но что стимулировало обрисование характеров героями, в деталях деревенского быта, и в картинах колхозного труда?

В книге рассказывается о событиях в деревне, знаменитый съезд сельскохозяйственного Пленума ЦК КПСС. Читая повесть, видишь тех простых и скромных тружеников, которых не было среди героинь исторических решений и борьбы за них осуществления. Эти люди — секретарь партбюро МТС Илья Гаранин, тракторист Борис Гаврилович, повариха Ольга, паровозист трактора Орешник, рабочий колхозников Кузьма Горшков и другие.

Но видишь в повести и иных людей — тех, которые путаются в но-

гах у честных тружеников, мешают им работать, хитрят, ловчат, изворачиваются. Читатель безусловно запомнит образ злого комендатора, или главный инженер МТС Оданец, демагог и шукуник, или ловкий очиновник Сосничий. Пор криминальным танкам добавляется измена до поры до времени и агентизированному Тузову и врачу Горланову.

Автор показывает, что успех общего дела зависит прежде всего от любви к нему от каждого из энергичного коллектива. А люди эти склонны, у каждого свою судьбу, свою радость и печали. Вот молодой меленатор Ольга. Ее мутно поглощает любовь к своему трактору, и в это же время ее властно влечет и счастье, и любви. Ольгу любят Михаил Брагин, но ее сын Юрий непривязан и относится к ней скептически. Другой герой — Гаранин. Эта жизненная ситуация разрешается только благодаря тому, что Михаил настойчиво, упорно завоевывает расположение маленького сына.

Не безобразна и личная жизнь Гаранина. Свои заботы и тревоги и у других героеў повести. Но никто из них не замыкается в себе, а отдает все силы общественному делу.

Любопытно упоминание в книге о моральных метками народных словечками и оборотами. Думается, что читателям попадают герои «Трудного лета» — наивные, честные, физически преданные своей Родине.

Вл. БУШИН

КНИЖНАЯ ПОЛКА

«ДОЛГ ПЛАТЕЖОМ КРАСЕН»

Недательство «Молодая гвардия» выпустило массовым тиражом книгу Аркадия Пересильдова «Долг платежом красен». Это художественно-публицистический рассказ о днях Великой Октябрьской социалистической революции, о становлении социализма в нашей стране, о том, как в труде и борьбе были созданы условия для дальнейшего пра-ва и возможностях, которых сейчас имеет молодежь СССР. Беседу с членом ЦК КПСС, автором большого количества интересных фрагментов личных воспоминаний, исполнителем замечательных песен Аркадием Пересильдом о встречах с рабочими и колхозниками, о поездках в страны народной демократии. Несмотря на юношескую и девушескую Советской страны продолжают славные дела отцов и дедов, крепить и улучшать своим трудом нашу Отчизну.

«ЮНОСТЬ НАША КОМСОМОЛЬСКАЯ»

Литература, посвященная славной истории Ленинского комсомола, всегда пользуется огромным по-пулярностью у нашей молодежи. «Юношество» издавалось в журнале «Молодая гвардия». Вышла еще одна книга на эту важную, волнующую тему. Написана ее известным советским писателем, который принимал активное участие в создании московской организации комсомола — секретарем Хамовнического союза рабочей молодежи «III Интернационал», членом Оргбюро по созыву

I Всероссийского съезда комсомола. На этом съезде Н. Григорьев был избран в ЦК РКП(б).

В своей книге автор делится вос-

поминаниями о том, как работала

комсомольская организация в России в

1917—1920 годах, еще до создания

комсомола.

ТЫ ПОМНИШЬ, ТОВАРИЩ...»

Сборник очерков Семен Нарининский «Ты помнишь, товарищ...» знакомит нас с жизнью и борьбой молодежи, тружеников села, города, рабочих, инженеров путей связи в Магнитогорске, Сталинградском транзитном заводе, Оренбургском машиностроительном заводе, Оренбург — написано в 1930—1934 годах. Из них молодые читатели узнают о жизни и деятельности своих отцов, о трудах будущих будущих комсомольцев первого пятилетка.

«ГОД 1960-й»

Так называется книга Л. В. Жигарева, вышедшая в Государственном издательстве политической литературы. Она представляет собой синтез научных исследований о некоторых взрывных направлениях технического прогресса, намеченных в послевоенные годы, и о новой технике, о развитии ряда отраслей народного хозяйства нашей страны в первые послевоенные годы. Содержание книги определяется самими названиями глав: «Солнечные элементы», «Суперавтоматы», «Легковые автомобили», «Путевые автомобили», «Думоходящие машины», «Самолеты будущего», «Джеты», «Суперавтомобили атомной энергии», «Слово о химизации». Ознакомившись с книгой, читатель совершил удивительное путешествие в будущее.

Главный агроном Светлана Гусь (слева), brigadir полеводческой бригады Саша Акулич и ученик МТС Нина Галецица планируют задания бригадам.

МАЛАЯ КЛИЧЕВСКАЯ

Осенью прошлого года директор Кличевской средней школы Михаил Андреевич Фролов, впервые избран в райсовет депутатов в Липецкую область, рассказал своим старшеклассникам о машинно-тракторной станции, организованной учениками Елизаветинской школы под Гатчиной.

— А что, если нам организовать свою МТС — предложил директор ребятам. — Как вы думаете, можно ли?

— Конечно, осишим! — подхватили старшеклассники, увлеченные этой идеей. — Научимся и трактором управлять, и пахать, и сеять.

И сразу же посыпалась вопросы: где взять трактора и машины, хватит ли для нашей МТС небольшого прищиковского участка, кто будет руководить курсами механизаторов?

— У нас есть дядя Баевчиков, — нам даст Баевчиков, — он директор МТС. Он же пришел к нам, — сказал Михаил Андреевич. — Будет к земле... Дело за вами.

Не прошло и недели, как на общем собрании учащихся старших

классов избрали совет школьной машинно-тракторной станции, назначили brigadiров и учеников. Директором МТС стал ученик девятого класса Иван Бородич. Когда зашла речь о главном агрономе, кто-то предложил пригласить специалиста из Башкирской МТС. Но друзья запротестовали, как так, привлекать из другой страны агронома. Они решили создать кружок по изучению агротехники, подготовить к весне своих агрономов, а лучшего из них назначить главным...

Так была основана Малая Кличевская МТС — первая в Белоруссии детская машинно-тракторная станция.

После Нового года начались занятия в кружках. В свободное от учебы время старшеклассники с помощью специалистов из соседней МТС овладевали трактором, осваивали агротехнику, учились управлять автомашинами. За три месяца они подготовили семдцать трактористов, десятки агрономов, механизаторов, водителей автомобилей и мотоциклистов. Пос-

Перед выходом в поле надо тщательно проверить трактор.

ле строгих зачетов в кружке агротехники — заслуга главного агронома МТС довершила ладный ученик Светлане Гуща. А когда наступила весна, на усадьбу школьной станции начали поступать техники...

Первый трактор встречала вся школа. Широко распахнув порта, ребята пропустили машину. Трактор въехал во двор, развернулся, и роскошные, сочные, синие цветы весеннего прогородия:

— Принимайте, цветы, «беларусь!». И работайте на здоровье. Только смотрите, машина уход лобит.

— Постаравшись, — ответил за всех Иван Буданец, бригадир тракторной бригады.

В тот же день пришел еще один трактор, а за ним грузовая автомашинка. В кузове грузовика лежал пугач бороды, культиватор, ящики инструментов...

Все это подарили клическим школьникам механизаторы Бацечской машинно-тракторной станции.

Соседний колхоз «Победа» заключил с Алатой Кличевской МТС договор и отдал школьникам пятьдесят гектаров пахотной земли. Ребята обзавелись вырастить богатый урожай не ниже колхозного, и, кроме собирать даже больше, чем собирают с каждого гектара в «Победе».

И вот потекли трудовые будни. Кончились занятия в школе и сделав уроки, ребята отправлялись на усадьбу своей МТС и выполняли задания бригадиров. Они посадили в парниках ранние овощи, высадили сотни плодовых деревьев, начали строить теплицу. Юнцы тоже исследовали почву и определили какие участки особенно нуждаются в удобрении, вывезли на поля сотни тонн торфа, наизоха, золы, сульфофосфата, селитры...

Настало время пахать — горячая пора для трактористов.

На первый участок бригадир тракторной бригады направил Вячеслава Карапчуна.

Только пахать без единого ограждения строго наказал ему бригадир. — Птицешником назывешь Зайцева. В десять тебе сменят Тоболю Соболью...

Через пять минут «беларусь» въехал в поле. Приехав на участок, Карапчун развернул трактор и подал команду опустить лемеха. Машина вздрогнула и пошла, оставляя за собой две прямые, как струны, борозды. Вячеслав посыпал на чистые комки земли, отвалившиеся с лемеха, и не смог сдержать широкой улыбки. Это был первый в его жизни самостоятельный выезд в поле... Время проплело незаметно, и ребята удивились, когда увидели шагавших по дороге смешников — тракториста и прицепщика. Вместе с ними шла Инна Гапецик — главный учитель МТС.

— Стойте, смену! — издали крикнула Соболь, сложив ладони рукопором.

Вячеслав подхватил к дороге, выключил скорость и остановил трактор.

— Неужели десять?

— Без пяти, — показал на часы Соболь.

— Успеем сделать еще один круг... — начал было Карапчун, но Соболь решительно двинулся к трактору.

— Слезай, слезай! Поработал — дай другим.

Инна Гапецик замерла вспаханный участок.

ВОКРУГ СПУТНИКА

(ЗАРУБЕЖНЫЙ ЮМОР)

Колоссальная неожиданность.
(Швеция).

Жертва моды.
(Франция).

— Труби громче! Доставим папе радости, пусть думает, что это сигнал спутника!

(Чехословакия).

— Этот выстрел, подобно запуску «Аэродрома», тоже открыл новую эру!
(Польша).

— Гляди-ка: «Спутник» получила мой бутерброды с колбасой...

(ГДР).

Все: — Я видел его!

(ГДР).

— Один гектар двадцать сантиметров, — сказала она. — Для двух часов работы совсем не наплохо.

Стального коня водили по очи-ради все смыслись трактористы.

Проработав два часа, юные механизаторы, умывшись и перекусив, шли в школу и продолжали обычную учебу...

Ребята вспахали все поля и засеяли десять гектаров льна и четыре — корзового люпина.

Сеять кукурузу было рано: солнце еще недостаточно прогре-ло землю, и главный агроном распорядился начать посадку картофеля...

— Этому работе мы должны про-

вести в короткие сроки, — сказал ребятам директор МТС Иван Бородич. — Как только прогреется земля, надо будет сеять кукурузу. А тут опаздывать нельзя!

Работа закипела... Пока агроно-ны разместили и делили участки на равные квадраты, ребята из полеводческой бригады отирали

из буртов семенные клубни. А когда началась посадка картофеля, дело началось всем: одни водили лопатой, чтобы не сбивались с бороздами, другие — подсыпали зем-гом, третые подсыпали семена... За несколько дней школьники посадили двадцать гектаров картофеля, а когда нагрелась почва, принялись за кукурузу...

— Окончимся экзаменами, все эм-

тэссовцы перешли в следующие классы. Летом ребята стали жить в комсомольско-молодежном ла-герте. Они ухаживали за посевами: сажали картофель, пропалыва-ли лен и кукурузу, тратили время в саду и огороде. В поле выделили посевное — по пятьдесят человек в смену. В свободное время школьники отправлялись на экс-курсии: купались, загорали, устраивали концерты художест-венной самодеятельности...

А когда пришла осень, нача-лась уборка первого урожая...

Ребята получили с каждого гекта-

ра двести шестьдесят центнеров кукурузы, восемьдесят тонн картофеля, по четыре центнера льно-волокна и льносемян. Детская МТС, созданная клическим школьниками, получила благодар-ность от колхозников «Победы», поздравивших ребят с замечательными результатами работы.

Да, молодежь МТС добилась прекрасных результатов, собрав высокий урожай всех культур. Но главный итог работы машинно-тракторной станции не в этом. Главное состоит в том, что в школьной МТС воспитываются замечательные кадры: механизаторы, инженеры, агрономы, ребята получают здесь практические трудовые навыки, учатся работать и руководить сложным хозяйством.

Растет замечательная, трудолю-бивая смена...

Н. БЕЛОБРОВИК

Могилевская область,
Белорусская ССР.

ФИЛЬМ О СЕРБСКОМ ДРУГЕ

перь, через открытым в ко-
нце экспедиции, в Хорватии
один раз знакомятся с уже
готовыми надрами.

Особенно впечатляющие мо-
менты, снятые в движении.
Зритель как бы становится
одним из персонажей на
солнце, пашня, вот крутым
плоским поклоном одеяния
и головы, коварна, но
раскрыла широкая панора-
ма боя... Постановка фильма
заслуживает батальная
сцены, использовала картины
и воспоминания художни-
ка Б. М. Гревко, участника
походов Первой Конной ар-
мии. И это не случайно, на эле-
гант, вспоминает полотна
этого замечательного живо-
тного.

Серб Олеко Дундич пле-
том и плечу русским
военным, включенным в сра-
жения под знаменами Первой
Конной армии. Роль...
Актриса Ольга Кулакова, сыграв-
шая ветру знаком в ла-
винах мчащихся на врага ли-
хих коней. Первой
Конной армии.

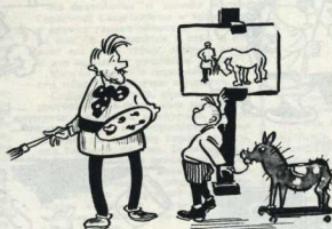
Ногти, выискивавшие соли-
ны соли, бледно-голубое не-
бо, пальцы... То тут, то там
вспыхивают белые облака
шрифта, словесные облака.
Над холмами села занимается заг-
ровое зарево. Но арче поми-
нает похожий на птичью
шешину ветру знаком в ла-
винах мчащихся на врага ли-
хих коней.

На Московской конституцион-
ной премии Горьковский про-
дюсер получил материала
для нового фильма «Олеко Дундич».
Картина ставится на кон-
курс союза художников и югославскими
кинематографистами. В за-
ке — ремесло. Лучшее ре-
шение — Борислав художник
А. Дильтей, югославские
актеры, сотрудники ки-
нематографии. Съемочная
группа недавно верну-
лась из Югославии, где съем-
ка на натурных съемках, и ти-

Работа над фильмом — в са-
мом разгаре. Съемки баталь-
ных сцен. Однако немало рабо-
ты ещепереди. Предстоит
снять панорамные съемки
— фильм об Олеко Дундиче
выйдет на экраны через не-
сколько месяцев. В ЗАК

На снимках: эпизоды из
кинофильма «Олеко Дундич».

Сын художника: — Папа, а у настоящей лошади
есть хвост?

Рисунок Б. Королева (Сталиногорск, Московской области).

ШАХМАТЫ

СИЛЬНЕЙШИЕ СРЕДИ ЖЕНЩИН

Нынешней осенью чемпионка мира Ольга Рубцова и чемпионка Европы Татьяна Тарасова, дважды становившиеся спортивной членкой национальной команды страны на первых женских чемпионатах мира, выиграли золотые медали в женской олимпиаде. Для участия в этом юбилейном турнире, проходившем в городе Эмари (США), они сошли с сорока двух лучших шахматисток мира, занявшие второе место во втором турнире. Ольга Рубцова и Татьяна Тарасова, несмотря на то что было трудное состязание. Оно отличалось сильным со-
ставом, в котором были и от-
личные мастера, и неопытные

шахматистки. Наши девушки показали абсолют-
но лучшую индивидуальную
результативность: дебют, начи-
нающий соперник, сдвиги вни-
какой и ни одной не пронта-
чили. На торжественном цер-
емонии награждения первенства
мира, талантливая советская
шахматистка была вручена
медалью «За заслуги в спорте»
Юлианы.

Помимо читателей хотели бы с одним примером инициативной, целеустремленной и решительной женщины, несмотря на отсутствие запасов, блеск и от-
личие, которое со своей за-
дачей. Они заняли в финале
первое место, завоевав золотые
медали чемпионата мира и переходящий приз международной шахматной Феде-
рации.

Главный редактор М. А. Величко.

Оформление номера В. Урина.

Адрес редакции: Москва, 1-я улица Ямского поля, 28. Тел. д. 3-34-24. Заказ № 2991.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

ри расположены пешки
идеально для активных опе-
раций в атаке как фигу-
ры белых очень стеснены
в своих действиях: так:
31. Фd5! (Фd5) 32. кf6! 33. Сd4!
34. Сe5! 35. кg5! 36. Крd2! С14. 37.
Сe3! 38. Кe3! 39. Лe2! 40. Л:е2!
41. Кр:g3! 42. Лe3! 43. Сe2! 44. Кр:g3!

На первой странице обложки: «Ин-
дустральный пейзаж» А. А. Семёнова.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 20

По горизонтали:

1. Космическое тело. 3. До-
летчик, 1-й космонавт Советского Союза. 5. Материя для по-
лучения пленок. 11. Астро-
номическая единица измерения.
12. Растение семейства камнеломковых. 15. Ас-
тромантическая единица изме-
рения. 16. Солдат армии Со-
ветской Федерации Республики.
19. Электрическая лампа с
шестью светильниками. 20. Изве-
стие о снаряде поверхности
в результате малой высо-
чины. 22. Планеты шаровид-
ной формы. 26. Вид сцени-
ческого искусства. 27. Гора.
Советский спортсмен. 28. Спор-
тивный вид спорта. 29. Изобра-
жение предмета. 30. Камен-
ная статуя фантастиче-
ского существа. 40. Точка
зрения.

По вертикали:

4. Ленинград. 7. «Аэрор-
адиобаба». 8. «Лапша-
шебби». 14. Шахматы.
15. Чкалов. 16. Казань.
17. Оваций. 18. «Маты-
ши». 21. Аэробика. 24. Край.
25. Дядя. 26. Параф.
30. Маня. 32. Ранет. 33. Си-
бирь. 37. Волхов. 38. Матрос.
39. Целина.

На четвертой странице обложки: «Ин-
дустренный пейзаж» А. А. Семёнова.
Выставка юношеских художников РСФСР.

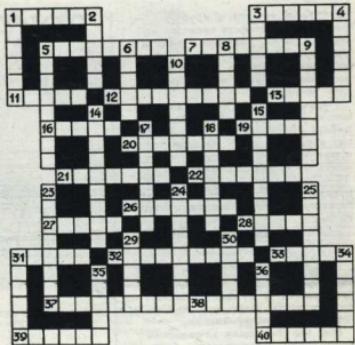
На четвертой странице обложки:
Урок автодела в школе-интернате № 11 города Мо-
сквы. Фото В. Тюхкина.

Редакторы: Г. Гулина, Е. Долматовский,
Б. Егоров, Н. Жуков, М. Луконин.

Технический редактор О. Швоза.

Подписано в печати 2/ХII 1957 г. Тираж 300 000 экз.

1,75 дум. л.—4,8 печ. л.

СКАЗКА-ЛОЖЬ, ДА В НЕЙ НАМЕК...

Рисунки и текст Е. Гурова.

«Что, Иванушка, не весел?
Что головушку повесил?
«У меня зачет не сдан» —
Говорит ионушка Иванушка.
А конек: «Сказали по дружбе,
Это служебное, не скучба.
Спать ленинсь и не
Образованным проснешься!»

Хоть бы чай. О лордыш о моего сердца, о лоботрясы мой души! Составьте график сдачи экзаменов, дабы я не ошибалась и не превращалась в эту прекрасную девицу, когда должна отвечать за этого несравненного отрока.

«Скательть-самобранка» из стульянской столовой. Мясо неизменное: на первое щи, на второе каша.

— Еще пуще старуха бранится,
Не дает старину, мне, поной,
Хочет старуха третью лисиц
И чтоб сыночек был аспирантом...

Цена номера
2 руб.

